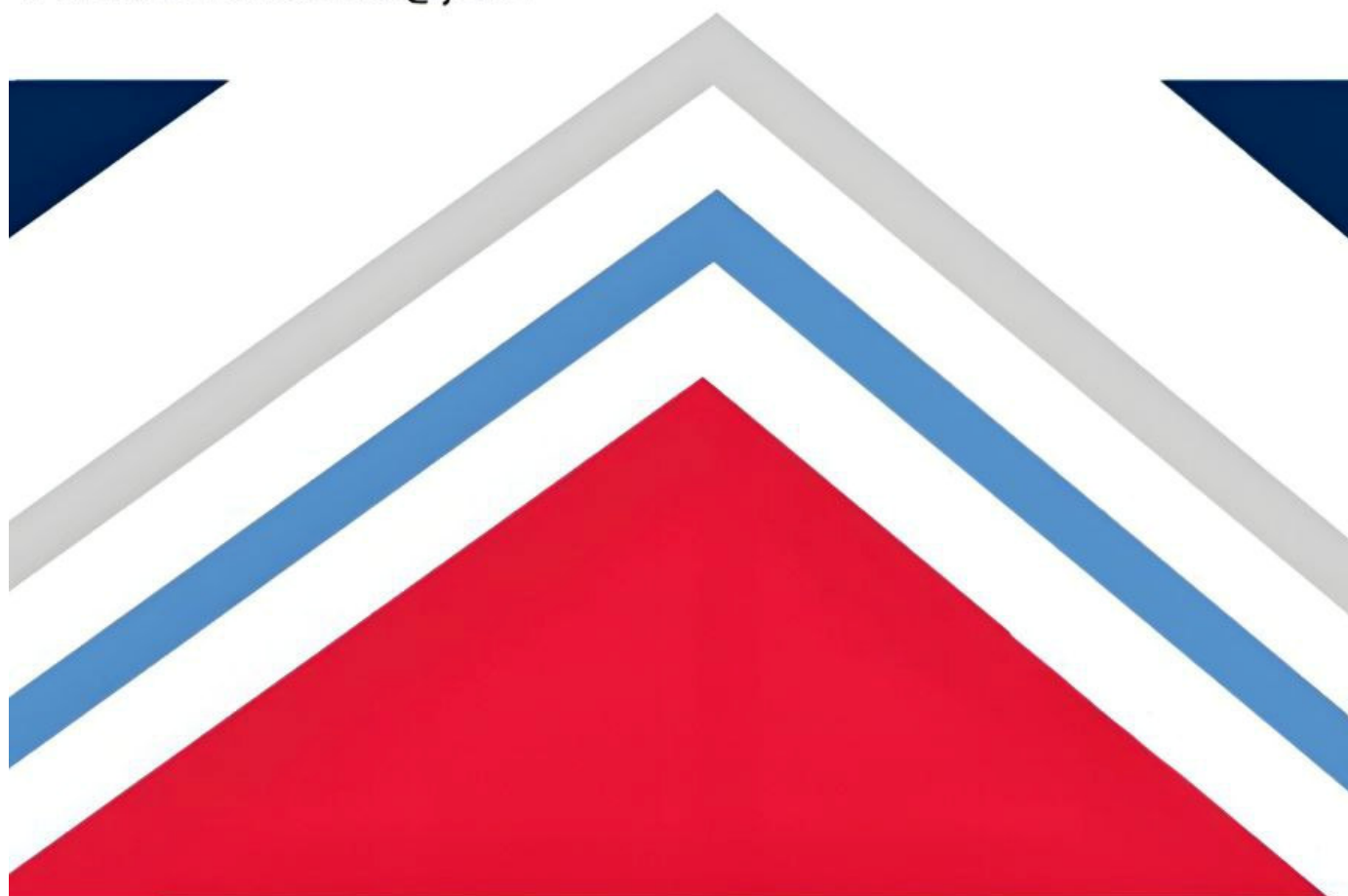

СЕТЕВОЕ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ

www.SCRIPJournal.ru
E-mail: SCRIPJournal@ya.ru

№4 (4) 2025

**Научные исследования
преступления и наказания**
Scientific Crime and Punishment Research Journal
сетевой научно-практический журнал

**№ 4
2025**

Учредитель: Федеральное казенное учреждение
«Научно-исследовательский институт
Федеральной службы исполнения наказаний»
125130, г. Москва, ул. Нарвская, д. 15а, стр. 1.

SCRIPJournal.ru

Главный редактор:
доктор юридических наук, профессор Шкабин Г.С

номер подписан в печать: 22.12.2025

Редакционный совет

Заместитель председателя редакционного совета

Шкабин Геннадий Сергеевич	главный научный сотрудник центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
--------------------------------------	---

Члены редакционного совета

Акимжанов Талгат Курманович	директор Научно-исследовательского института права при Университете «Туран», доктор юридических наук, профессор (Республика Казахстан, Алматы)
--	---

Акчурин Александр Владимирович	заместитель начальника Академии ФСИН России по научной работе, доктор юридических наук, доцент (Россия, Рязань)
---	--

Бавсун Максим Викторович	заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России (по научной работе), доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
-------------------------------------	---

Бачила Владимир Владимирович	профессор кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент (Республика Беларусь, Минск)
---	---

Гирько Сергей Иванович	исполняющий обязанности директора ЦИПБ РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, Москва)
-----------------------------------	---

Луговик Виктор Федорович	профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Россия, Омск)
-------------------------------------	--

Мацкевич Игорь Михайлович	ректор Университета прокуратуры Российской Федерации, государственный советник юстиции 3 класса, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, Москва)
--------------------------------------	--

Милюков Сергей Федорович	профессор кафедры уголовного права Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена, доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Михайлов Валентин Иванович	главный научный сотрудник отдела уголовного, уголовно-процессуального законодательства, судоустройства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Россия, Москва)
Некрасов Василий Николаевич	заместитель начальника Вологодского института права и экономики ФСИН России по учебной работе, доктор юридических наук (Россия, Вологда)
Овчинский Владимир Семенович	советник Министерства внутренних дел Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Россия, Москва)
Румянцев Николай Викторович	главный научный сотрудник центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Селиверстов Вячеслав Иванович	профессор кафедры уголовного права и криминологии Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, Москва)
Уткин Владимир Александрович	заведующий кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Россия, Томск)
Шабанов Вячеслав Борисович	заведующий кафедрой криминалистики Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (Республика Беларусь, Минск)

Редакционная коллегия

Главный редактор

Шкабин Геннадий Сергеевич	главный научный сотрудник центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
------------------------------	---

Заместитель главного редактора

Черешнева Людмила Алексеевна	старший научный сотрудник центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России (Россия, Москва)
---------------------------------	--

Ответственный секретарь

Прихожая Людмила Евгеньевна	ведущий научный сотрудник центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук (Россия, Москва)
--------------------------------	--

Члены редакционной коллегии

Борков Виктор Николаевич	начальник кафедры уголовного права Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор (Россия, Омск)
Васильев Эдуард Анатольевич	главный научный сотрудник центра по исследованию проблем противодействия преступности в сфере экономики ВНИИ МВД России, доктор юридических наук, доцент (Россия, Москва)
Григорьев Виктор Николаевич	ведущий научный сотрудник группы подготовки научно-педагогических и научных кадров аппарата ученого секретаря адъюнктуры, докторантуры ФКУ НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Гришко Александр Яковлевич	профессор кафедры уголовного права и криминологии Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)
Грушин Федор Владимирович	главный научный сотрудник центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент (Россия, Москва)

Дмитренко Андрей Петрович	профессор кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Дворянсков Иван Владимирович	главный научный сотрудник центра исследования проблем исполнения уголовных наказаний и психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Кудрявцев Алексей Вадимович	декан юридического факультета Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент (Россия, Владимир)
Кунц Елена Владимировна	главный научный сотрудник центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Лесников Геннадий Юрьевич	главный научный сотрудник центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Никонович Сергей Леонидович	заведующий кафедрой уголовного процесса Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Омелин Виктор Николаевич	главный научный сотрудник центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Россия, Москва)
Павличенко Николай Владимирович	профессор кафедры уголовного права и процесса Сочинского института (филиала) Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Россия, Москва)
Плешаков Александр Михайлович	главный научный сотрудник центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Ростокинский Александр Владимирович	профессор департамента права Института экономики, управления и права Московского городского педагогического университета, доктор юридических наук, доцент (Россия, Москва)
Сумачев Алексей Витальевич	профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Института государства и права Тюменского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (Россия, Тюмень)
Чистяков Алексей Алексеевич	профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Шурухов Николай Григорьевич	доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник группы подготовки научно-педагогических и научных кадров аппарата ученого секретаря адъюнктуры, докторантуры ФКУ НИИ ФСИН России (Россия, Москва)

Содержание

Уголовное право и криминология		
Бадалянц Э.Ю.	Правовая обусловленность криминализации преступлений, связанных с диверсией	6
Денисенко М.В.	Предупреждение новых преступлений как цель уголовного наказания	14
Ларин В.Ю.	Основания криминализации оскорбления представителя власти	21
Небогатикова Е.И.	Понятие и принципы планирования борьбы с преступностью	32
Осипов В.А., Туманов А.С.	Незаконное осуществление деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц: основание уголовной ответственности и вопросы правоприменения	39
Оперативно-разыскная деятельность*		
Кокорев Е.В.	Обстоятельства, препятствующие раскрытию преступлений прошлых лет	47
Межотраслевые исследования в праве		
Жеребцова Е.Н.	Исполнение норм уголовно-исполнительного права сотрудниками оперативных подразделений в исправительных учреждениях России	56

* Поскольку современная орфографическая норма русского языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, фиксируемая в нормативных словарях, предписывает написание «разыскной», а Федеральный закон № 144-ФЗ закрепляет термин «оперативно-розыскной», возникает двойственность. Анализ различных нормативных актов показывает частое использование обоих вариантов. Ввиду этого конфликта между утвержденной языковой нормой и неоднозначной правовой терминологией, редакция журнала допускает использование любого из вариантов, следуя написанию, принятому автором.

Элеонора Юрьевна Бадалянц

доцент кафедры судебной экспертизы и уголовно-правовых дисциплин ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет» кандидат юридических наук, доцент
кандидат юридических наук, доцент

Коломна
Российская Федерация

Eleonora Y. Badalyants

Associate Professor, Department of Forensic Science and Criminal Law, State Educational Institution of Higher Education, Moscow Region "State University of Social Sciences and Humanities", Candidate of Law, Associate Professor
Candidate of Law, Associate Professor

Kolomna
Russian Federation

✉ SCRIPJournal@ya.ru

SPIN-код (РИНЦ) 1153-8747

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0009-0480-451X>

УДК

Правовая обусловленность криминализации преступлений, связанных с диверсией

Legal basis for criminalization of crimes related to sabotage

Аннотация. Актуальность. Исследование обусловлено необходимостью адаптации уголовного законодательства Российской Федерации к современным геополитическим вызовам и угрозам экономической безопасности. Принятие федерального закона от 17.11.2025 № 420-ФЗ актуализировало вопросы квалификации диверсионной деятельности и ее отграничения от смежных составов преступлений.

Целью работы является теоретическое осмысление правовой природы диверсии (ст. 281 УК РФ), выявление критериев ее разграничения с террористическим актом (ст. 205 УК РФ) и умышленным уничтожением имущества (ст. 167 УК РФ), а также анализ недостатков законодательной конструкции норм о содействии диверсионной деятельности.

Методы. В работе использованы формально-юридический и сравнительно-правовой методы анализа, позволившие сопоставить элементы субъективной стороны рассматриваемых составов преступлений.

Выводы. В статье обосновано, что ключевым критерием разграничения диверсии и террористического акта выступает цель преступления: подрыв экономической безопасности и обороноспособности страны (для диверсии) против дестабилизации деятельности органов власти или воздействия на принятие ими решений (для теракта). Выявлены проблемы интерпретации интеллектуального момента умысла в ст. 281¹ УК РФ, связанные с признаком «заведомости». Сформулированы предложения по совершенствованию правоприменительной практики для исключения ошибок квалификации.

Ключевые слова: криминализация, общественная опасность, национальная безопасность, уголовная политика, квалификация преступлений.

Abstract. Relevance. This study is motivated by the need to adapt Russian criminal legislation to modern geopolitical challenges and threats to economic security. The adoption of Federal Law No. 420-FZ of November 17, 2025, has updated the issues of classifying sabotage activities and distinguishing them from related crimes.

The purpose of this paper is to theoretically understand the legal nature of sabotage (Article 281 of the Criminal Code of the Russian Federation), identify criteria for distinguishing it from a terrorist act (Article 205 of the Criminal Code of the Russian Federation) and the intentional destruction of property (Article 167 of the

Criminal Code of the Russian Federation), and analyze the shortcomings of the legislative framework for facilitating sabotage activities.

Methods. This paper utilizes formal legal and comparative legal methods of analysis, allowing for a comparison of the subjective elements of the crimes under consideration.

Conclusions. The article substantiates that the key criterion for distinguishing between sabotage and a terrorist act is the purpose of the crime: undermining the country's economic security and defense capability (for sabotage) versus destabilizing the activities of government bodies or influencing their decision-making (for a terrorist act). Problems in interpreting the intellectual element of intent in Article 281.1 of the Criminal Code, related to the element of "knowledge," are identified. Suggestions for improving law enforcement practice to avoid classification errors are formulated.

Key words: criminalization, public danger, national security, criminal policy, classification of crimes.

Для цитирования: Бадалянц Э.Ю. Правовая обусловленность криминализации преступлений, связанных с диверсией // Научные исследования преступления и наказания. № 4. 2025. С. 6–13.

For citation: Eleonora Y. Badalyants Legal basis for criminalization of crimes related to sabotage // Scientific Crime and Punishment Research Journal. No 4. 2025. P. 6–13.

Введение. Обеспечение безопасности Российской Федерации на современном этапе требует оперативной адаптации уголовного законодательства к новым вызовам и угрозам. Одним из наиболее опасных посягательств на экономическую безопасность и обороноспособность страны является диверсия. Принятие Федерального закона от 17.11.2025 № 420-ФЗ, внесшего изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации, актуализировало дискуссию о границах и основаниях криминализации деяний, направленных на разрушение объектов жизнеобеспечения и транспортной инфраструктуры.

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью теоретического осмысления правовой природы диверсии в условиях геополитической нестабильности. Несмотря на наличие законодательной базы, на практике возникают сложности при разграничении диверсии (ст. 281 УК РФ) и смежных составов преступлений, таких как террористический акт (ст. 205 УК РФ) или умышленное уничтожение имущества (ст. 167 УК РФ). Ошибки в квалификации могут привести к нарушению принципов законности и справедливости наказания. В научной литературе вопросы ответственности за диверсионную деятельность рассматривались в работах различных авторов. Однако динамика законодательных изменений 2024–2025 годов требует нового взгляда на проблему правовой обусловленности криминализации данных деяний.

Обсуждение и результаты. Криминализация того или иного деяния – один из фундаментальных вопросов уголовной политики государства. Она должна быть обусловлена с социальной и правовой точек зрения, то есть иметь основания, вытекающие из высокой степени общественной опасности деяния, его распространенности и невозможности эффективного противодействия ему с помощью иных отраслей права (административного, гражданского и т.д.).

В условиях глобализации и усложнения международных отношений, возрастания роли гибридных угроз, преступления против основ конституционного строя и безопасности государства приобретают особую значимость. Среди них диверсия занимает одно из центральных мест, поскольку посягает на ключевые объекты, обеспечивающие суверенитет и обороноспособность страны¹.

В этой связи тема нашей статьи является достаточно актуальной, так как необходимо теоретическое осмысление правовых оснований криминализации диверсии в контексте

¹ Селивановская Ю.И. Диверсия как угроза экономической безопасности Российской Федерации // Вестник ВУиТ. 2023. № 4 (106).

© Бадалянц Э.Ю.

современной системы угроз национальной безопасности, а также потребностей правоприменительной практики в точном разграничении диверсии от иных составов преступлений.

В русском языке слово «диверсия» (от лат. *diversion* – отклонение) толкуется как военные действия в тылу врага с целью выведения из строя объектов военного, государственного или народно-хозяйственного значения¹.

Правовая обусловленность криминализации любого деяния в первую очередь базируется на его общественной опасности. Диверсия представляет собой повышенную опасность, так как она направлена на подрыв экономической безопасности и оборонной способности нашего государства. В случае диверсии происходит дестабилизация общественного порядка и создание угрозы для жизни населения. В отличие, например, от уничтожения имущества, диверсия имеет явно выраженную антигосударственную направленность.

Криминализация диверсии соответствует базовым принципам уголовного права.

Принцип вины. Диверсия может быть совершена только с прямым умыслом. Виновный осознает общественно опасный характер своих действий, предвидит возможность или неизбежность наступления тяжких последствий и желает их наступления именно в целях подрыва экономической и оборонной мощи государства. Наличие строго определенной цели является необходимым условием ответственности.

Принцип противоправности. Деяние, описанное в ст. 281 УК РФ, является противоправным, то есть прямо запрещено уголовным законом под угрозой наказания.

Принцип соразмерности наказания. Санкция ст. 281 УК РФ отражает высочайшую степень общественной опасности данного преступления и является адекватной мерой ответственности.

Криминализация диверсии сложилась исторически, однако ее актуальность в современном мире лишь возрастает в связи с развитием критических инфраструктур (энергетики, транспортных сетей, связи, финансовых систем). Выход из строя указанных инфраструктур может «парализовать» жизнедеятельность целых регионов. Таким образом, социальным основанием криминализации является в том числе необходимость защиты не только собственности, а функционирования целостности государства и общества. Экономическая обусловленность заключается в том, что диверсионная деятельность наносит колоссальный ущерб, выводя из строя дорогостоящие объекты и системы, а также вызывая косвенные убытки от остановки производства, нарушения логистических цепочек и т.д.

Объективная сторона диверсии выражается в совершении взрыва, поджога или иных действий, направленных на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения либо на нанесение вреда здоровью людей и (или) компонентам природной среды, если эти действия совершены в целях подрыва экономической безопасности и (или) обороноспособности Российской Федерации.

Ключевым признаком, отличающим диверсию от иных противоправных деяний, является ее специфическая цель, на которую законодатель прямо указывает. Именно данная цель придает деянию характер государственного преступления и определяет его высокую общественную опасность. Установление данной цели на практике представляет наибольшую сложность для доказывания. Она может вытекать из способа совершения преступления (направленность на стратегический объект), используемых средств (взрывчатка, организованная группа), предварительного сговора, личности виновного (связь с

¹ Плешаков А.М., Шкабин Г.С. Уголовная ответственность за диверсию с использованием животных // Военное право. 2021. № 2 (66). С. 273–277.

© Бадалянц Э.Ю.

иностранными спецслужбами или экстремистскими организациями), а также из последствий деяния (масштабный ущерб, парализующий функционирование целого региона или отрасли). В современных условиях диверсии характеризуются высоким уровнем латентности. Они часто готовятся и совершаются организованными группами или преступными сообществами, обладающими значительными ресурсами, специальными знаниями и навыками. Действия таких групп тщательно планируются, обеспечиваются технически и конспирируются.

Можно сказать, что в уголовном законодательстве появился отдельный институт, объединяющий преступления, посягающие на экономическую безопасность и обороноспособность Российской Федерации¹. Несомненно, ответственность за преступления диверсионной направленности обладает юридическими особенностями и характеристиками, а также способна стать мощным правовым механизмом по предупреждению соответствующих противоправных деяний и инструментом по сдерживанию диверсионной преступной активности как граждан Российской Федерации, так и иностранных граждан, и лиц без гражданства².

Правовая обусловленность криминализации также подтверждается необходимостью четкого отграничения диверсии от иных деяний³.

1. *От террористического акта (ст. 205 УК РФ)*. Основное различие лежит в цели совершения деяния. Террористический акт совершается в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений органами власти. Диверсия же направлена именно на подрыв экономической и оборонной безопасности государства. Кроме того, террористический акт неразрывно связан с посягательством на жизнь людей или с реальной угрозой такого посягательства, в то время как диверсия может быть совершена и без непосредственного причинения вреда здоровью людей (хотя такая угроза всегда присутствует опосредованно).

2. *От умышленного уничтожения или повреждения имущества (ст. 167 УК РФ)*. Различие проводится по объекту и цели. Ст. 167 УК РФ охраняет отношения собственности, в то время как ст. 281 УК РФ – государственную безопасность. Отсутствие цели подрыва экономической и оборонной безопасности исключает квалификацию по ст. 281 УК РФ.

3. *От приведения в негодность объектов жизнеобеспечения (ст. 215² УК РФ)*. Данное приведение, в отличие от диверсии, может совершаться как умышленно, так и по неосторожности. Его цель не связана напрямую с подрывом безопасности государства, а может быть вызвана хулиганскими или иными личными побуждениями.

Особое внимание следует обратить на развитие возможностей совершения диверсий с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Действия, направленные на вывод из строя критической информационной инфраструктуры государства (оборонных систем, энергосетей, финансовых и транспортных систем) с целью подрыва экономической и оборонной безопасности, полностью подпадают под признаки объективной стороны диверсии, выраженные в «иных действиях». Однако на практике возникает проблема доказывания именно государственно-подрывной цели, поскольку подобные атаки

¹ Горшкова Н.А. Пенализация диверсионной деятельности: законодательный и правоприменительный подходы // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2024. № 4. С. 26–35.

² Глазырин С.И. Преступления диверсионной направленности: новый подход в области обеспечения экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации на современном этапе // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 1 (40). С. 167–171.

³ См. подробнее: Пикина Т.В. Преступления, связанные с осуществлением диверсионной деятельности: основные направления уголовной политики противодействия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2025. С. 17–18. (22 с.); Чулкина Э.Ю. Недостатки законодательной конструкции нормы, предусмотренной ст. 281.1 УК РФ «Содействие диверсионной деятельности» // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2024. № 2.

© Бадалянц Э.Ю.

могут осуществляться киберпреступниками в корыстных целях. Таким образом, ключевым элементом квалификации становится установление субъективной стороны и мотивации, выходящей за рамки личной выгоды или хулиганства.

Кроме того, информационно-телекоммуникационные технологии в последнее время активно используются злоумышленниками с целью склонения граждан к совершению диверсионных действий. Так, потенциальной жертве поступает звонок, в котором преступник сообщает, что денежные средства гражданина нужно перевести на «безопасный» счет. Невнимательные граждане, зачастую, не чувствуют подвоха, что позволяет мошенникам действовать по уже давно отработанной схеме. После того, как жертва переводит деньги на счет злоумышленников, ей сообщают, что перевод был осуществлен на счет экстремистской или террористической организации, и если жертва не согласится совершить диверсию, то данная информация поступит в правоохранительные органы. Либо, напротив, злоумышленники обещают «вернуть» денежные средства в случае совершения гражданином диверсионных действий. В большинстве случаев напуганные, психологически «обработанные» граждане соглашаются совершить указанные действия, а также снять произошедшее на видео в целях подтверждения. Задача преступника – не дать человеку время для раздумий, подтолкнуть к совершению преступления здесь и сейчас. В данном случае следует говорить о целых колл-центрах, которые уже давно действуют с территории Украины и коллективного Запада.

Еще одним спорным вопросом является вопрос о возможности отнесения к диверсии целенаправленных действий, ведущих к подрыву экономической безопасности не через физическое разрушение, а через манипуляции на финансовых рынках, блокировку критических импортных поставок или целенаправленное банкротство системообразующих предприятий. В настоящее время ст. 281 УК РФ напрямую не охватывает эти деяния.

В связи с проведением Российской Федерацией специальной военной операции на территории Украины диверсионная деятельность в нашем государстве приобрела, если можно так сказать, особую популярность. Преступники как лично, так и с помощью вербовки и шантажа совершают рассматриваемые противоправные деяния.

Еще в 2023 году глава нашего государства Владимир Владимирович Путин заявил, что в подготовке терактов и диверсий на территории Российской Федерации могли участвовать западные спецслужбы. Это заявление президент сделал в ходе заседания Совета безопасности России. Кроме того он отметил, что на новых территориях Российской Федерации приходится заново выстраивать всю систему безопасности. Президент призвал спецслужбы сделать максимум для обеспечения безопасности людей в новых регионах¹.

В условиях конфликтов диверсионные акты, несомненно, часто являются элементом скоординированной кампании по дестабилизации обстановки в стране. Они могут маскироваться под техногенные аварии или действия террористов. Это требует от правоприменительных органов не только уголовно-правового, но и оперативно-разыскного анализа для выявления связи единичного акта с более масштабной враждебной деятельностью, направленной против государства.

Следует отметить, что диверсия как вооруженный метод борьбы с противником имеет место быть не только в военное время, но и в мирное, особенно в завуалированной форме, когда она может стать весьма эффективным способом дестабилизации и представлять особую угрозу основам конституционного строя и безопасности государства².

¹ Путин: есть основания полагать, что в подготовке терактов на территории РФ участвуют западные спецслужбы // Медиагруппа «Звезда» : [сайт]. URL: <https://tvzvezda.ru/news/2023451742-NQVGa.html> (дата обращения: 24.11.2025 г.).

² Давитадзе, М.Д. Уголовная ответственность за диверсию // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 169–173.

© Бадалянц Э.Ю.

Так, за период январь–декабрь 2024 года было выявлено 142 лица, совершивших преступления по ст. 281 УК РФ. Из них:

- 33 – в возрасте 16–17 лет;
- 74 – в возрасте 18–24 лет;
- 11 – в возрасте 25–29 лет;
- 21 – в возрасте 30–49 лет;
- 3 – в возрасте 50 лет и старше;
- 5 лиц женского пола;
- 7 лиц имели высшее образование;
- 36 лиц имели среднее профессиональное образование;
- 66 лиц имели начальное и основное общее образование;
- 33 лица имели среднее (полно общее) образование;
- в группу лиц по предварительному сговору входили 79 граждан;
- в организованную группу входили 36 граждан;
- при соучастии несовершеннолетних было совершено 45 преступлений;
- граждан Российской Федерации – 133 лица;
- местных жителей – 116 лиц;
- без определенного места жительства – 1 человек;
- граждан других государств или лиц без гражданства – 9 человек¹.

За последние годы фиксируется все больше преступлений, предусмотренных ст. 281 УК РФ, а методы совершения таковых становятся все изощреннее.

В средствах массовой информации постоянно пестрят примеры совершения рассматриваемых деяний. Например, 22 ноября 2025 года в Алтайском крае пресекли попытку диверсии на железной дороге, преступников ликвидировали, о чем сообщил ЦОС ФСБ России. Диверсия планировалась членами запрещенной в России террористической организации при координации спецслужб Украины. Два злоумышленника пытались установить так называемое сбрасывающее устройство на железнодорожном перегоне Алтайская – Бийск, имеющем высокую интенсивность движения грузовых и пассажирских составов. При задержании они оказали сопротивление незаконно приобретенным огнестрельным оружием и были нейтрализованы ответным огнем².

Федеральный закон от 17.11.2025 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» расширил перечень преступлений, возраст уголовной ответственности за совершение которых наступает с 14 лет. В перечень были в том числе включены преступления террористического и диверсионного характера. Кроме того, деяния, предусмотренные частями первой статьи 205¹ «Содействие террористической деятельности» и частью первой статьи 281¹ «Содействие диверсионной деятельности», совершенные в отношении несовершеннолетнего, теперь повлекут наказание вплоть до пожизненного лишения свободы. Отменены сроки давности к лицам, совершившим преступления диверсионной направленности или осужденным за их совершение.

По нашему мнению, с учетом сложившейся геополитической ситуации, а также официальной статистической отчетности, такие изменения законодателя являются достаточно обоснованными. Особо следует отметить ужесточение наказания за вербовку несовершеннолетних в диверсионную деятельность. По словам Председателя Следственного

¹ Ф. 492. Кн. 1. Сводный отчет по России «Сведения о лицах, совершивших преступления». Разд. 1. «Сведения о возрастных, гендерных, образовательных и криминологических характеристиках лиц, совершивших преступления», январь–декабрь 2024 г.

² В Алтайском крае пресекли попытку диверсии на железной дороге // РИА новости : [сайт] URL: <https://ria.ru/20251124/popytka-2057053750.html> (дата обращения: 24.11.2025 г.).

© Бадалянц Э.Ю.

комитета России Александра Бастрыкина, анализ обстоятельств совершения подростками подобных преступлений свидетельствует об активизации противоправной деятельности со стороны в том числе украинских спецслужб, которые не оставляют попыток деструктивного влияния на несовершеннолетних и их вербовки для совершения диверсий. За это они обещают подросткам денежное вознаграждение. Следственная практика показывает, что среди подростков, совершающих преступления против общественной безопасности, основ конституционного строя и безопасности государства, распространены мотивы национальной ненависти, а также поддержки террористической идеологии и идеологии нацизма¹.

Следовательно, установление более строгой уголовной ответственности за диверсию является соразмерной и необходимой мерой уголовно-правового противодействия одной из наиболее серьезных угроз национальной безопасности нашего государства.

Выводы. Проведенное исследование правовой обусловленности криминализации преступлений, связанных с диверсионной деятельностью, позволяет сформулировать следующие выводы и предложения:

1. Расширение уголовной ответственности за диверсию (ст. 281 УК РФ) является не ситуативной реакцией законодателя, а объективно необходимой мерой. Она обусловлена трансформацией современной преступности, переходом угроз национальной безопасности в плоскость гибридного противостояния, где подрыв экономической устойчивости и обороноспособности государства становится ключевой целью преступных посягательств.

2. Анализ изменений в УК РФ, внесенных федеральным законом от 17.11.2025 № 420-ФЗ, показал, что законодатель пошел по пути детализации объективной стороны состава преступления. Включение в предмет преступного посягательства новых объектов критической и информационной инфраструктуры соответствует современному уровню технологического развития и характеру реальных угроз.

3. Ключевой проблемой правоприменения остается конкуренция норм. Выявлено, что диверсия (ст. 281 УК РФ) и террористический акт (ст. 205 УК РФ) имеют схожие объективные признаки (взрывы, поджоги), однако различаются по цели. Для диверсии конститутивным признаком является цель подрыва экономической безопасности и обороноспособности, тогда как для терроризма – дестабилизация деятельности органов власти и устрашение населения. Ошибки в установлении субъективной стороны (цели) ведут к неверной квалификации.

4. Для обеспечения единообразия судебной практики и исключения объективного вменения представляется необходимым принятие или дополнение существующего Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации разъяснениями, касающимися четких критериев разграничения диверсии, террористического акта и умышленного уничтожения имущества (ст. 167 УК РФ), совершенного из хулиганских или иных побуждений.

Используемая литература

1. Глазырин С.И. Преступления диверсионной направленности: новый подход в области обеспечения экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации на современном этапе // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 1 (40). С. 167–171. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-40-1-167-171 EDN: DTSQCW.

2. Горшкова Н.А. Пенализация диверсионной деятельности: законодательный и правоприменительный подходы // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2024. № 4. С. 26–35. DOI: 10.17150/2411-6122.2024.4.26-35 EDN: NUXOKS.

¹ Бастрыкин: спецслужбы Украины не отказываются от вербовки подростков для диверсий // ТАСС : [сайт] URL: <https://tass.ru/obschestvo/23593725> (дата обращения: 24.11.2025 г.).

© Бадалянц Э.Ю.

3. Давитадзе М.Д. Уголовная ответственность за диверсию // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 169–173. DOI: 10.24411/2073-0454-2020-10163 EDN: SOYWGE.
4. Пикина Т.В. Преступления, связанные с осуществлением диверсионной деятельности: основные направления уголовной политики противодействия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар. 2025. 22 с.
5. Плешаков А.М., Шкабин Г.С. Уголовная ответственность за диверсию с использованием животных // Военное право. 2021. № 2 (66). С. 273–277. EDN: MHKRNБ.
6. Селивановская Ю.И. Диверсия как угроза экономической безопасности Российской Федерации // Вестник ВУиТ. 2023. № 4 (106). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diversiya-kak-ugroza-ekonomicheskoy-bezopasnosti-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 02.10.2025). DOI: 10.51965/2076-7919_2023_2_4_111 EDN: QMASAC.
7. Чулкина Э.Ю. Недостатки законодательной конструкции нормы, предусмотренной ст. 281.1 УК РФ «Содействие диверсионной деятельности» // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2024. № 2. DOI: 10.5922/vestnikhum-2024-2-2 EDN: YVNTVS.

Reference

1. Glazyrin S.I. Sabotage-Oriented Crimes: A New Approach to Ensuring Economic Security and Defense Capability of the Russian Federation at the Current Stage // Law and Order: History, Theory, Practice. 2024. No. 1 (40). pp. 167–171. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-40-1-167-171 EDN: DTSQCW.
2. Gorshkova N.A. Penalization of Sabotage Activities: Legislative and Law Enforcement Approaches // Siberian Criminal Procedure and Forensic Readings. 2024. No. 4. pp. 26–35. DOI: 10.17150/2411-6122.2024.4.26-35 EDN: NUXOKS.
3. Davitadze M.D. Criminal liability for sabotage // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 3. pp. 169–173. DOI: 10.24411/2073-0454-2020-10163 EDN: SOYWGE.
4. Pikina T.V. Crimes related to the implementation of sabotage activities: the main directions of the criminal counteraction policy: author's abstract. diss. ... Cand. Sci. (Law). Krasnodar. 2025. 22 p.
5. Pleshakov A.M., Shkabin G.S. Criminal liability for sabotage using animals // Military Law. 2021. No. 2 (66). pp. 273–277. EDN: MHKRNБ.
6. Selivanovskaya Yu.I. Sabotage as a Threat to the Economic Security of the Russian Federation // Bulletin of VUiT. 2023. No. 4 (106). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diversiya-kak-ugroza-ekonomicheskoy-bezopasnosti-rossiyskoy-federatsii> (accessed: 02.10.2025). DOI: 10.51965/2076-7919_2023_2_4_111 EDN: QMASAC.
7. Chuklina E. Yu. Shortcomings of the legislative design of the norm provided for in Article 281.1 of the Criminal Code of the Russian Federation "Assistance to sabotage activities" // Bulletin of the Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and Social Sciences. 2024. No. 2. DOI: 10.5922/vestnikhum-2024-2-2 EDN: YVNTVS.

**Михаил Вячеславович
Денисенко**

доцент кафедры правового обеспечения
национальной безопасности, законности
и правопорядка ИПНБ РАНХиГС
при Президенте Российской Федерации,
доцент кафедры уголовно-правовых
дисциплин Международного
юридического института
кандидат юридических наук, доцент

Москва
Российская Федерация

Mikhail V. Denisenko

Associate Professor, Department of Legal
Support for National Security, Law and Order,
Institute of Law and National Security The
Presidential Academy
Associate Professor of the Department of
Criminal Law Disciplines at the International
Law Institute
Candidate of Legal Sciences, Associate
Professor

Moscow
Russian Federation

✉ m.denisenko68@list.ru

SPIN-код (РИНЦ) 4029-4484

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2734-8659>

УДК

**Предупреждение новых преступлений как цель
уголовного наказания****Prevention of new crimes as the goal of criminal punishment**

Аннотация. Актуальность. В статье анализируется эффективность реализации одной из ключевых целей уголовного наказания, закрепленной в ст. 43 УК РФ, – предупреждения совершения новых преступлений. На фоне трансформации криминогенной обстановки и появления новых вызовов (киберпреступность, террористические угрозы) вопрос превентивной функции наказания приобретает особую значимость.

Цель. Целью статьи стала оценка действенности существующих мер уголовной ответственности на основе анализа статистических данных за начало 2025 года и правоприменительной практики и обоснование необходимости их ужесточения для отдельных категорий преступлений.

Результаты. Проведен сравнительный анализ состояния преступности, выявлена тенденция к росту рецидива и тяжких преступлений. Рассмотрены социально-экономические факторы, влияющие на криминализацию общества, включая миграционные процессы. Поднимается дискуссионный вопрос о целесообразности снятия моратория на смертную казнь как исключительную меру наказания для сдерживания особо тяжких преступлений (коррупция в высших эшелонах власти, терроризм, преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних). Сделан вывод о том, что страх неизбежного и сурового наказания остается действенным инструментом частной и общей превенции.

Ключевые слова: уголовное наказание, цели наказания, предупреждение преступности, рецидив, смертная казнь, коррупция, статистика преступности, превенция, эффективность наказания.

Abstract. Relevance. This article analyzes the effectiveness of implementing one of the key objectives of criminal punishment, enshrined in Article 43 of the Criminal Code of the Russian Federation: preventing the commission of new crimes. Against the backdrop of the transformation of the crime situation and the emergence of new challenges (cybercrime, terrorist threats), the issue of the preventive function of punishment is particularly important.

Objective. The purpose of this article is to assess the effectiveness of existing criminal liability measures based on an analysis of statistical data for the beginning of 2025 and law enforcement practice, and to justify the need to tighten them for certain categories of crimes.

Results. A comparative analysis of the crime rate is conducted, revealing a trend toward an increase in recidivism and serious crimes. Socioeconomic factors influencing the criminalization of society, including migration processes, are considered. The controversial issue of lifting the moratorium on the death penalty as an exceptional punishment to deter particularly serious crimes (high-ranking corruption, terrorism, and crimes against the sexual integrity of minors) is raised. It is concluded that the fear of inevitable and severe punishment remains an effective tool for both individual and general crime prevention.

Keywords: criminal punishment, goals of punishment, crime prevention, recidivism, death penalty, corruption, crime statistics, prevention, punishment effectiveness.

Для цитирования: Денисенко М.В. Предупреждение новых преступлений как цель уголовного наказания // Научные исследования преступления и наказания. № 4. 2025. С. 14–20.

For citation: Mikhail V. Denisenko Prevention of new crimes as the goal of criminal punishment // Scientific Crime and Punishment Research Journal. No 4. 2025. P. 14–20.

Введение. Преступность представляет собой сложное социально-правовое явление, характеризующееся высокой степенью адаптивности к изменяющимся общественным условиям. Несмотря на развитие правовых институтов, наличие уголовно-правовых запретов неизбежно сопряжено с фактами их нарушения. В этой связи центральное место в системе уголовной политики государства занимает институт наказания. Согласно ч. 2 ст. 43 Уголовного кодекса Российской Федерации, наказание применяется не только в целях восстановления социальной справедливости и исправления осужденного, но и в целях предупреждения совершения новых преступлений.

Оценка эффективности достижения указанной цели требует комплексного анализа как статистических показателей, так и качественных характеристик правоприменительной практики. Ключевым индикатором действенности превентивной функции наказания традиционно выступает уровень рецидивной преступности, который демонстрирует тревожную динамику.

Обсуждение и результаты. Обратимся к анализу официальных статистических данных. Анализ статистических сведений о состоянии преступности за январь – февраль 2025 года свидетельствует о том, что общее количество зарегистрированных преступлений снизилось на 0,4 % и составило 307,7 тыс. преступлений. Несмотря на это, почти половину всех зарегистрированных преступлений (47,4 %) составляют хищения чужого имущества, совершенные путем кражи – 73,7 тыс. (-1,7 %), мошенничества – 69,0 тыс. (-3,0 %), грабежа – 2,6 тыс. (-14,9 %), разбоя – 408 (-8,3 %). Каждая двенадцатая кража (8,6 %), каждый тридцать третий грабеж (3,1 %) и каждое шестое разбойное нападение (16,9 %) были сопряжены с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище. Ущерб от преступлений (по оконченным и приостановленным уголовным делам) составил 137,9 млрд руб., что на 74,8 % больше аналогичного показателя прошлого года¹. Удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений в числе зарегистрированных возрос с 32,0 % в январе – феврале 2024 года до 35,7 %. В январе – феврале 2025 года зарегистрировано 116,8 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, что на 1,3 % больше, чем за аналогичный период прошлого года. В общем

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – февраль 2025 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/62890844/> (дата обращения: 27.10.2025).

числе зарегистрированных преступлений их удельный вес увеличился с 37,3 % в январе – феврале 2024 года до 38,0 %. Больше половины таких преступлений (52,5 %) относится к категориям тяжких и особо тяжких (61,3 тыс.; +10,8 %), четыре преступления из пяти (87,0 %) совершаются с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет (101,6 тыс.; +9,8 %), более трети (38,4 %) – с применением средств мобильной связи (44,9 тыс.; -15,1 %)¹. На 26 % по сравнению с данным периодом прошлого года выросло количество преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков.

Наблюдается тенденция к отказу части населения от легальной трудовой деятельности в пользу получения быстрого криминального дохода с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Констатируется большой рост насильственных преступлений, преступлений экстремистской и террористической направленности. Зарегистрировано 914 преступлений террористического характера (+108,7 %) и 339 преступлений экстремистской направленности (+48,7 %). В январе – феврале 2025 года зарегистрировано 2 121 преступление террористического характера (+0,6 %)².

Большая проблема российской действительности – коррупционные преступления. На период с января по февраль 2025 совершено 10 484 преступлений коррупционной направленности, что на 31,5 % больше предыдущего периода. Из них 6 292 (34,8 %) связаны со взяточничеством. Приведенные показатели не отражают реального масштаба коррупции ввиду традиционно высокого уровня латентности данных преступлений.

После краткого анализа преступности за январь – февраль 2025 года возникает логичный вопрос: почему не в полной мере работает такая цель наказания как предупреждение совершения новых преступлений? В данном случае можно говорить об общей и частной превенции предупреждения преступлений. Доктрина уголовного права традиционно разделяет превентивную функцию наказания на два взаимосвязанных, но различных по механизму действия направления.

Общая превенция (предупреждение) направлена на неопределенный круг лиц – все общество в целом. Механизм ее реализации базируется на угрозе наказания, закрепленной в уголовном законе. В этом контексте уместно вспомнить теорию «психологического принуждения» Ансельма фон Фейербаха, который утверждал, что целью наказания является не возмездие, а устрашение³. Согласно этой концепции, в психике неустойчивого гражданина должна происходить борьба мотивов: желание совершить преступление сталкивается со страхом перед неизбежностью и суровостью наказания. Если страх перевешивает выгоду, цель общей превенции считается достигнутой. Эффективность этого вида предупреждения напрямую зависит от того, насколько общество информировано о работе правоохранительной системы и насколько оно верит в неотвратимость кары.

Частная (специальная) превенция, в свою очередь, имеет адресатом конкретное лицо, уже совершившее преступление. Она реализуется непосредственно в процессе назначения и исполнения наказания. Здесь целью выступает недопущение совершения

¹ Там же.

² Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – февраль 2025 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/62890844/> (дата обращения: 27.10.2025).

³ Dubber, Markus. Paul Johann Anselm Feuerbach, A Textbook of the Common Penal Law in Force in Germany [Lehrbuch des gemeinen in Deutschland gültigen peinlichen Rechts] (13th ed. 1840) (excerpts) // Foundational Texts in Modern Criminal Law / ed. by M.D. Dubber. Oxford : Oxford University Press, 2014. URL: <https://www.academia.edu/22855539/> (дата обращения: 20.10.2025).

© Денисенко М.В.

осужденным новых преступлений (рецидива). Достигается это тремя основными способами:

1) Физическая изоляция (лишение возможности совершать преступления на период отбывания наказания, например, при лишении свободы).

2) Морально-психологическое исправление (формирование уважительного отношения к закону, что является идеальной, но труднодостижимой целью).

3) Устрашение (создание у осужденного устойчивой связи между преступным деянием и негативными последствиями, что должно удерживать его от рецидива в будущем).

Современная криминология отмечает, что баланс между этими видами превенции нарушен. Статистические данные о росте рецидивной преступности свидетельствуют о кризисе института частной превенции: пенитенциарная система, изолируя преступника, зачастую не достигает цели его исправления, а «эффект устрашения» нивелируется мягкостью правоприменительной практики или возможностью условно-досрочного освобождения.

Первое, что хотелось бы отметить, это то, что предупреждение преступности входит в задачи государства, и возникла она из необходимости обеспечить безопасность общества.

Второе – предупреждение преступности, профилактика преступлений, включает в себя несколько факторов.

Третье – предупреждение преступности заключается в работе с обществом в целом, и с личностью в частности, и способствует формированию правового сознания и законопослушного поведения у населения.

Если по тем или иным причинам не получается сформировать у членов общества законопослушное поведение, то необходимо сдерживать порывы к совершению преступления, обращаясь к такому инстинкту самосохранения человека, как страх. В нашем случае – страху неизбежного наказания.

Институт наказания исторически использовался государством как инструмент социального контроля и общего предупреждения преступности. Как писал Н. Макиавелли: «Что лучше: чтобы государя любили или чтобы его боялись. Говорят, что лучше всего, когда бояться и любят одновременно; однако любовь плохо уживается со страхом, поэтому если уж приходится выбирать, то надежнее выбрать страх»¹.

Хотя концепция устрашения не является универсальной, сдерживающий эффект, основанный на страхе перед наказанием, остается значимым фактором превенции. Если такой страх удержит от совершения нового преступления, то это уже индивидуальная «победа».

Итальянский философ Чезаре Беккариа сказал: «...единственное, что отвращает человека от совершения преступления, это не жесткость последующего наказания, а его неотвратимость»².

Если при исполнении наказания, преследуемого целью «исправление осужденного», выполняется задача, чтобы он впредь не совершал преступлений, то при частном предупреждении главной задачей становится – показать преступнику, что за его противоправное поведение, он обязательно будет наказан.³

¹ Макиавелли Н. Государь. М.: Планета. 1990. С. 49.

² Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / биогр. очерк и пер. книги Беккариа «О преступлениях и наказаниях» проф. М. М. Исаева. М., 1939. С. 307–308.

³ Зубкова В.И. Уголовное наказание и его социальная роль: Законодательство, теория и практика: дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08. М. 2002. С. 124.

© Денисенко М.В.

В целом, о наказании в данном случае можно сказать, что оно выполняет цель как общего, так и частного предупреждений преступлений, так как воздействует как на преступника, так и на других лиц.

На примере ст. 73 УК РФ (условное осуждение) можно увидеть, как действует государственное устрашение, при том, что реальное наказание в отношении осужденного может быть не применено. Назначив исправительные работы, ограничение по военной службе, содержание в дисциплинарной воинской части или лишение свободы на срок до восьми лет, суд может прийти к выводу о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания, в этом случае он постановляет считать назначенное наказание условным.

Таким образом, осужденный весь свой условно назначенный судом срок, будет пребывать в страхе неизбежного наказания в случае нарушения закона. Этот способ можно отнести к частной превенции. И он себя оправдывает, так как осужденный не имеет желания оказаться в местах лишения свободы. Исключение составляют лица с устойчивой криминальной направленностью, для которых перспектива пенитенциарной изоляции не является сдерживающим фактором.

Уголовное законодательство Российской Федерации предусматривает смертную казнь как исключительную меру наказания, которая может быть установлена только за особо тяжкие преступления, посягающие на жизнь. Сегодня смертная казнь в России в настоящее время в связи с мораторием, не применяется.

Представляется обоснованным рассматривать смертную казнь как действительную исключительную меру. Тезис о низкой эффективности данного вида наказания видится дискуссионным.

Дискуссия о смертной казни в науке уголовного права неразрывно связана с фундаментальными философскими учениями о сущности наказания. В контексте цели предупреждения преступлений (общей превенции) сторонники исключительной меры часто апеллируют к утилитарному подходу, согласно которому суровость наказания должна перевешивать любую потенциальную выгоду от преступления. Смертная казнь в данном случае выступает последним доводом, создающим непреодолимый психологический барьер для потенциального преступника. Страх смерти, как самый сильный из человеческих инстинктов, теоретически обладает наивысшим сдерживающим потенциалом.

Однако не менее важен и нравственно-этический аспект, восходящий к идеям немецкой классической философии. Иммануил Кант, будучи сторонником абсолютной теории наказания, рассматривал смертную казнь как категорический императив справедливости. В своем труде «Метафизика нравов» он утверждал, что если совершено убийство, то преступник должен умереть, ибо нет никакого подобия между жизнью, сколь угодно печальной, и смертью, и, следовательно, нет другого равенства между преступлением и возмездием¹. С этой точки зрения пожизненное лишение свободы при всей его тяжести не восстанавливает нарушенный баланс справедливости в той мере, в какой это делает смертная казнь. Применение высшей меры защиты общества допустимо рассматривать не как акт жестокости, а как реализацию права общества на самосохранение и защиту от элементов, чье исправление принципиально невозможно.

По свидетельству А.Л. Дзигарь, результаты опросов, проводимых среди населения, показали: пожизненное лишение свободы воспринимается неоправданным не только с

¹ Кант И. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 6 : Религия в пределах только разума. Метафизика нравов / И. Кант ; под общ. ред. А. В. Гулыги. – М. : Чоро, 1994. С. 369–370.

экономической точки зрения, но и морально-этической¹. Согласно исследованиям психологов исправительных учреждений через десять – максимум пятнадцать лет человек, отбывающий наказание в одиночной камере, перестает быть психически нормальным, он настолько психически и умственно деградирует, что без посторонней помощи жить уже не может. Так же считает и И.И. Карпец, по убеждению которого пожизненное лишение свободы означает фактически пожизненное мучение осужденного, узаконивать которое государство не вправе, ибо это безнравственно².

Вопрос о применении смертной казни достаточно дискуссионный, но актуальный. По нашему мнению следует увеличить перечень преступлений, за которые можно будет применять данный вид наказания. Например, за коррупцию должностных лиц, наносящих вред нашему государству; за государственную измену. Современная практика привлечения к ответственности за коррупционные преступления часто носит резонансный, но эпизодический характер, не решая системных проблем. Смертная казнь, в том числе может остановить преступников, посягающих на нарушение половой неприкосновенности малолетних, детоубийство. Значительные сроки, в том числе пожизненное лишение свободы, не пугают таких лиц, а вот лишение собственной жизни – это уже такое наказание, которое может многих остановить. Для примера можем привести уголовное законодательство республики Беларусь, где до сих пор применяется смертная казнь (ст. 59 УК РБ)³.

Русский правовед и основоположник конституционного права России Б.С. Чичерин писал: «есть такие ужасные преступления, за которое единственным достойным наказанием может быть только отнятие жизни. Вряд ли этих преступников можно назвать людьми, от человека там осталась только телесная оболочка»⁴.

Что касается пожизненного лишения свободы (ст. 57 УК РФ), которое «устанавливается за совершение особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь, а также за совершение особо тяжких преступлений против здоровья населения и общественной нравственности, общественной безопасности, половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста», то высказывается мнение, что «пожизненное лишение свободы является более приемлемым видом уголовного наказания для правового государства и демократического общества»⁵. Возникает вопрос: это гуманность к преступникам или к родственникам потерпевших?

Еще один момент, что люди, осужденные пожизненно, имеют возможность выйти на свободу, хотя это и является довольно затруднительным. «Судебная практика во многих регионах показывает, что судьи при вынесении решения об условно-досрочном освобождении руководствуются исключительно характеристиками, выданными начальниками колоний»⁶. То есть, возможность выйти условно-досрочно при совершении преступлений, предусматривающих мерой наказания пожизненное лишение свободы, по

¹ Дзигарь А.Л. Уголовные наказания: эволюция и перспективы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону. 2001. 27 с.

² Мулюков Ф.Б. Проблема применения смертной казни за особо тяжкие преступления, посягающие на жизнь // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. № 25..

³ Ст.59 УК РБ // URL: <https://avcd.by/book/statja-59-smertnaja-kazn/> (дата обращения: 25.10.2025).

⁴ Сулейманова С.Т., Блохина Е.И. Смертная казнь или право на жизнь? // Труды международного симпозиума «Надежность и качество». 2012. № 2..

⁵ Арсенова А.А. Проблемы института пожизненного лишения свободы в российском уголовном праве // Наука. Общество. Государство. 2017. Т. 5. № 4.

⁶ Арсенова А.А. Указ.соч.

мнению автора, это уже не является эффективной мерой, при которой может быть достигнута цель «предупреждение новых преступлений». По мнению пострадавших, это поспешное попрание принципа справедливости.

Исходя из всего вышесказанного, сдерживающая сила наказаний далеко не одинакова, и по-разному можно оценивать коэффициент сдерживания преступников от совершения преступлений, и от их рецидивов. На взгляд автора, смертная казнь – это наиболее устрашающая мера наказания для определенного рода преступников. Данная точка зрения по отношению к смертной казни, весьма неоднозначна, но учитывая сегодняшнюю обстановку, полагаю, достаточна актуальна.

Выводы. Подводя итог, можно сказать, что такая цель уголовного наказания как «предупреждение совершения новых преступлений» на сегодняшний день в полном объеме не достигается. Это подтверждает анализ статистики совершенных преступлений. Восстановление эффективности института наказания возможно лишь при неукоснительном соблюдении принципа неотвратимости ответственности, независимо от социального статуса правонарушителя и тяжести деяния.

Список используемой литературы

1. Арсенова А.А. Проблемы института пожизненного лишения свободы в российском уголовном праве // Наука. Общество. Государство. 2017. Т. 5. № 4. EDN: XWETQL.
2. Дзигарь А.Л. Уголовные наказания: эволюция и перспективы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону. 2001. 27 с. EDN: NLWQTN.
3. Зубкова В.И. Уголовное наказание и его социальная роль: Законодательство, теория и практика: дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 .М. 2002. 357 с. EDN: NMEFEL.
4. Мулюков Ф.Б. Проблема применения смертной казни за особо тяжкие преступления, посягающие на жизнь // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. № 25.
5. Сулейманова С.Т., Блохина Е.И. Смертная казнь или право на жизнь? // Труды международного симпозиума «Надежность и качество». 2012. № 2. С. 365–366. EDN: PCCBUT

Reference

1. Arsenova A.A. Problems of the Institute of Life Imprisonment in Russian Criminal Law // Science. Society. State. 2017. Vol. 5. No. 4. EDN: XWETQL.
2. Dzigar A.L. Criminal Punishments: Evolution and Prospects: Abstract of a Cand. Sci. (Law) Dissertation. Rostov-on-Don. 2001. 27 p. EDN: NLWQTN.
3. Zubkova V.I. Criminal Punishment and Its Social Role: Legislation, Theory, and Practice: Doctor of Law Dissertation: 12.00.08 .M. 2002. 357 p. EDN: NMEFEL.
4. Mulyukov F.B. The Problem of the Application of the Death Penalty for Particularly Serious Crimes Encroaching on Life // Bulletin of Tomsk State Pedagogical University. 2011. No. 25.
5. Suleimanova S.T., Blokhina E.I. The Death Penalty or the Right to Life? // Proceedings of the International Symposium "Reliability and Quality." 2012. No. 2. pp. 365–366. EDN: PCCBUT

Виктор Юрьевич Ларин

старший преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
Рязанского филиала Московского
Университета МВД России
им. В.Я. Кикотя, кандидат юридических
наук
Рязань
Российская Федерация

Victor Yu. Larin

Senior Lecturer, Department of Criminal Law
and Criminology, Ryazan Branch Kikot
Moscow University of the Ministry of the
Interior of Russia, Candidate of Legal Sciences

Ryazan
Russian Federation

✉ v.yu.larin@yandex.ru

SPIN-код (РИНЦ) 1436-4772

ORCID <https://orcid.org/0000-0001-8375-7671>

УДК

Основания криминализации оскорбления представителя власти

Grounds for criminalizing insult to a government official

Аннотация. Актуальность темы обусловлена потребностями совершенствования уголовного законодательства в части защиты авторитета государственной власти. Анализ оснований криминализации позволяет выявить системные пробелы в законодательной технике и предложить пути оптимизации диспозиции нормы, что критически важно для обеспечения единообразия правоприменительной практики

Цель: провести анализ оснований криминализации уголовной ответственности за оскорбление представителя власти.

Процедура и методы. Ключевым исследовательским методом явился всеобщий диалектический метод познания, а также методы анализа и синтеза.

Результаты. Обоснована криминализация уголовной ответственности за оскорбление представителя власти, подняты вопросы несовершенства терминологии при конструировании рассматриваемой нормы, что указывает на необходимость совершенствования уголовного законодательства.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в теорию уголовного права, сформулированные предложения способствуют совершенствованию действующего российского законодательства об уголовной ответственности за оскорбление представителя власти.

Ключевые слова: криминализация, оскорбление, пенализация, представитель власти, ответственность.

Annotation. The relevance of the topic is stems from the need to improve criminal legislation regarding the protection of the authority of state power. An analysis of the grounds for criminalization allows for the identification of systemic gaps in legislative drafting and the proposal of ways to optimize the dispositive element of the rule, which is critically important for ensuring uniformity in law enforcement practice.

Purpose: to analyze the grounds for criminalizing criminal responsibility for insulting a representative of the authorities.

Procedure and methods. The key research method was the universal dialectical method of cognition, as well as methods of analysis and synthesis.

Results. The criminalization of criminal responsibility for insulting a representative of the authorities is substantiated, the issues of imperfection of terminology in the construction of the norm under consideration are raised, which indicates the need to improve criminal legislation.

Theoretical and/or practical significance. The results of the study contribute to the theory of criminal law, the formulated proposals contribute to the improvement of the current Russian legislation on criminal liability for insulting a representative of the authorities.

Keywords: criminalization, insult, penalization, government representative, responsibility.

Для цитирования: Ларин В.Ю. Основания криминализации оскорбления представителя власти // Научные исследования преступления и наказания. № 4. 2025. С. 21–31.

For citation: Victor Yu. Larin Grounds for criminalizing insult to a government official // Scientific Crime and Punishment Research Journal. No 4. 2025. P. 21–31.

Введение. Установление и существование любого уголовно-правового запрета возможно лишь при наличии в нем социальной потребности, то есть необходимости охраны уголовно-правовыми средствами соответствующих общественных отношений. Сохранение социальной обусловленности в процессе действия существующей уголовно-правовой нормы в конкретном государстве в определенный период его развития влияет на эффективность ее применения. Не является исключением ст. 319 УК РФ.

В настоящий момент высказываются разные точки зрения относительно необходимости наличия ст. 319 УК РФ. Одни высказываются за увеличение установленных санкций, другие – за декриминализацию данной нормы. Рассмотрим соответствие уголовного запрета, установленного данной нормой, основаниям ее криминализации.

Основания криминализации ст. 319 УК РФ. Установление уголовной ответственности неразрывно связано с процессом криминализации и пенализации. В уголовно-правовой науке даются различные понятия оснований установления уголовно-правового запрета (криминализации). В частности, под криминализацией понимают «законодательное признание определенных деяний преступными и наказуемыми, то есть установление за них уголовной ответственности»¹. Другие авторы в ней видят «процесс выявления общественно опасных форм индивидуального поведения, признания допустимости, возможности и целесообразности уголовно-правовой борьбы с ними и фиксации их в законе в качестве преступных и уголовно наказуемых»². Очень точно по этому поводу высказался В. Н. Кудрявцев, указав, что «криминализация – общее понятие, охватывающее как процесс, так и результат признания определенных видов деяний преступными и уголовно наказуемыми»³.

В уголовно-правовой науке высказываются различные точки зрения относительно содержания принципов криминализации⁴. Достаточно широкая классификация принципов

¹ Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс: в 10 т. / Т. 3: Уголовная политика. Уголовная ответственность / Александрова И.А. и др.; под ред. Н.А. Лопашенко. М., 2016. С. 124.

² Голик Ю.В., Коробеев А.И. Преступность – планетарная проблема (к итогам XI Конгресса ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию). СПб., 2006. С. 69.

³ Дагель П. С., Злобин Г. А., Келина С. Г., Кригер Г.Л. и др. Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация / под ред. В. Н. Кудрявцев, А. М. Яковлева. М., 1982. С. 17.

⁴ Бавсун М.В. Целесообразность в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2002. С. 12; Беляев Н.А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. Л., 1986. С. 71–78; Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. М., 2003. С. 22–25; Лопашенко Н.А. Анализ принципов криминализации на примере криминализации преступлений в сфере экономической деятельности // Современные проблемы уголовной политики: сб. матер. V Международной научно-практической конференции /под ред. А.Н. Ильяшенко. Краснодар, 2014. С. 143; Чемеринский К.В. Принципы криминализации общественно опасных деяний // Российский криминологический взгляд. 2009. № 1. С. 404.

© Ларин В.Ю.

криминализации, на наш взгляд, дана Г.А. Злобиным. В частности, он разделил принципы криминализации на «три группы:

- социально-психологические принципы: общественной опасности, относительной распространенности деяний, соразмерности положительных и отрицательных последствий криминализации, уголовно-политической адекватности;
- общеправовые системные принципы: конституционной адекватности, системно-правовой непротиворечивости, международно-правовой необходимости и допустимости, процессуальной осуществимости преследования;
- уголовно-правовые системные принципы криминализации: беспробельности закона и неизбыточности запрета, определенности и единства терминологии, полноты состава, соразмерности санкции и экономии репрессии»¹.

При этом отметим, что последняя группа принципов (уголовно-правовые системные принципы) характеризует не столько саму обоснованность криминализации той или иной нормы, сколько качество ее формулировки, которая может создавать проблемы ее применения на практике.

При анализе криминализации деяния, указанного в ст. 319 УК РФ, мы будем придерживаться перечисленных выше принципов криминализации.

Общественная опасность преступления, предусмотренного в действующей уголовно-правовой норме (ст. 319 УК РФ), выражается в том, что данное деяние «подрывает авторитет государственной власти, снижает эффективность ее функционирования; посягает на личность представителя власти (конкретного человека, выступающего ее носителем), его честь или достоинство»².

С указанным критерием общественной опасности, на наш взгляд, сложно согласиться. Между публичным оскорблением представителя власти и совершением этим же лицом ранее каких-либо противоправных деяний действительно существует связь. Однако такая связь не влияет на уровень общественной опасности содеянного. Общественная опасность характеризует только конкретное деяние и не может складываться из общественной опасности или общественной вредности других деяний (преступлений или правонарушений), в том числе совершенных до конкретного преступления.

По мнению А. Ю. Кизилова «общественная опасность данного посягательства заключается в дискредитации авторитета государственной власти посредством публичного оскорбления ее представителей»³. Такая позиция, на наш взгляд, неполно отражает суть общественной опасности рассматриваемого преступления, оценивая ее лишь через причинение вреда авторитету власти.

Общественная опасность публичного оскорбления представителя власти в научной литературе объясняется по-разному. Так, А.В. Кузьмин связывает такую опасность с многообъектностью данного преступления⁴. Не оспаривая наличие основного и дополнительного непосредственных объектов, отметим, что общественная опасность посягательства находит выражение во всех элементах состава преступления и не может

¹ Дагель П.С., Злобин Г.А., Келина С.Г., Кригер Г.Л. и др. Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация / под ред. В.Н. Кудрявцев, А.М. Яковлева. М., 1982. С. 218.

² Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс: в 10 т. / Т. 3: Уголовная политика. Уголовная ответственность / Александрова И. А. и др.; под ред. Н. А. Лопашенко. М., 2016. С. 28.

³ Кизилев А.Ю. Уголовно-правовое обеспечение управленческой деятельности представителей власти: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2002. С. 21.

⁴ Кузьмин А.В. Уголовно-правовая охрана личности сотрудников правоохранительных органов: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар. 2016. С. 13.

ограничиваться характеристикой исключительно объекта преступления. В свою очередь, Ю.В. Баглай объясняет общественную опасность преступления, предусмотренного ст. 319 УК РФ, тем, что виновный стремится прервать или затруднить деятельность органа власти, а не просто причинить вред личности представителя власти¹. С такой точкой зрения, на наш взгляд, нельзя согласиться, поскольку указанная цель («прервать») не является обязательным признаком рассматриваемого состава преступления.

Интересна позиция Н. К. Рудый, считающей, что общественная опасность публичного оскорбления представителя власти состоит «в создании препятствий решению задач, поставленных перед органами власти и учреждениями, осуществляющими управленческие функции»². Не оспаривая ее мнение по существу, отметим, что это лишь один из аспектов, характеризующих общественную опасность рассматриваемого преступления.

А. Г. Брагина совершенно справедливо указывает, что «представитель власти не может исполнять свои обязанности, будучи ущемленным в своих правах, не чувствуя гарантии собственной безопасности»³. Органы власти являются одним из объектов государственной безопасности⁴. Невыполнение или выполнение не в полном объеме представителями власти возложенных на них задач и функций ставит под угрозу государственную безопасность, что в совокупности с приведенными выше доводами подтверждает соответствие такому принципу криминализации, как наличие общественной опасности.

Следующим принципом криминализации выступает относительная распространенность деяний. Согласно статистическим данным ГИАЦ МВД России за последние годы (2010–2022 гг.) в среднем за год регистрируется около 13 тысяч преступлений, предусмотренных ст. 319 УК РФ. Это составляет около 0,6 % от общего числа зарегистрированных преступлений.

В свою очередь, согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, ежегодно около 1,5 % от общего числа осужденных лиц (от 1,1 до 1,7 %) осуждается именно по ст. 319 УК РФ. Причем эта цифра остается стабильной из года в год на протяжении более 10 лет. Приведенные данные свидетельствуют об относительной распространенности рассматриваемых деяний.

Санкция ст. 319 УК РФ не предусматривает наказаний, связанных с изоляцией от общества, что не влечет каких-либо значимых отрицательных последствий, связанных с социальной адаптацией осужденного, стимулирует правомерное поведение граждан и обеспечивает нормальное функционирование деятельности органов власти, честь и достоинство представителей которых защищены рассматриваемой нормой. Это указывает на соответствие принципу соразмерности положительных и отрицательных последствий криминализации.

¹ Баглай Ю.В. Уголовно-правовая охрана сотрудников правоохранительных органов, осуществляющих деятельность по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 4.

² Рудый Н.К. Преступления против порядка управления, посягающие на служебную деятельность и личность представителей власти: сравнительный анализ законодательства России и стран СНГ: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 19.

³ Брагина А.Г. Уголовная ответственность за оскорбление представителя власти: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2006. С. 51.

⁴ Пузиков Р. В., Ирошников Д. В. Понятие государственной безопасности Российской Федерации // Вестник Тамбовского университета. Сер.: гуманитарные науки. 2011. № 4. С. 284.

© Ларин В.Ю.

Ст. 319 УК РФ соответствует основным направлениям проводимой в настоящее время государством политики¹, что указывает на соответствие принципу уголовно-политической адекватности.

Несмотря на декриминализацию общей нормы об оскорблении личности (ст. 130 УК РФ) в 2011 г., были оставлены все специальные виды оскорбления (представителя власти, участников судебного разбирательства, военнослужащего, чувств верующих и тяжкого оскорбления как причины аффекта). Подчеркивая необходимость охраны представителей власти, в том числе их чести и достоинства, Президент России отметил, что «нельзя ни унижать, ни ставить на колени бойцов, которые защищают интересы государства»².

Для установления и существования уголовно-правового запрета важно также соблюдение принципов международно-правовой необходимости, конституционной адекватности, а также системно-правовой непротиворечивости. Поскольку они тесно взаимосвязаны, то целесообразно их рассматривать без отрыва друг от друга.

Криминализация публичного оскорбления представителя власти имеет нормативные предпосылки на уровне международных актов, Конституции Российской Федерации и иного законодательства. Так, в соответствии со ст. 12 Всеобщей декларации прав человека никто не может подвергаться произвольным посягательствам на его честь и репутацию и каждый человек имеет право на защиту закона от таких посягательств³. В свою очередь, ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод гласит, что никто не может подвергаться унижающему человеческое достоинство обращению⁴. В ст. 3, 17 Международного пакта о гражданских и политических правах закреплены аналогичные гарантии⁵. Такие же правила закреплены в ст. 3 Конвенции Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека⁶. Анализ указанных актов показывает, что на международном уровне установлен правовой запрет на действия, унижающие честь и достоинство любого лица.

Вышеуказанные нормы международного права в равной степени распространяются на всех лиц, включая как обычных граждан, так и представителей власти. При этом на международном уровне не разрешен вопрос о том, средствами каких отраслей национального права следует устанавливать ответственность за запрет унижающего честь и достоинство человека обращения. Каждое государство решает этот вопрос самостоятельно, в том числе устанавливая уголовную ответственность.

Нормативные положения Конституции Российской Федерации соответствуют в этой части нормам международного права и защищают достоинство личности, гарантируют право на защиту своей чести и доброго имени.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» определяет, что одной из основных угроз государственной и общественной безопасности являются преступные посягательства против государственной власти, к которым как раз и относится оскорбление представителя власти.

² Прямая линия с Владимиром Путиным. 17 апреля 2014 г. // Президент России : [сайт]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/20796> (дата обращения: 10.11.2023).

³ Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948. Доступ из СПС КонсультантПлюс. Доступ из СПС КонсультантПлюс.

⁴ Конвенция о защите прав человека и основных свобод № 005 от 04.11.1950. Доступ из СПС КонсультантПлюс.

⁵ Международный пакт о гражданских и политических правах: принят 16 декабря 1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН. Доступ из СПС КонсультантПлюс.

⁶ Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека от 26.05.1995. Доступ из СПС КонсультантПлюс.

© Ларин В.Ю.

Еще одним принципом выступает процессуальная осуществимость преследования, и в соответствии со ст. 151 УПК РФ предварительное расследование уголовных дел данной категории осуществляют следователи Следственного комитета Российской Федерации.

Последнюю группу составляют уголовно-правовые системные принципы криминализации:

1. Принцип определенности и единства терминологии. В уголовном законе после декриминализации общего оскорбления (ст. 130 УК РФ) нет дефиниции, содержащей это понятие. Бланкетность нормы отправляет нас к ст. 5.61 КоАП РФ, однако данное там определение оскорбления не раскрывает сути оскорбления по отношению к представителю власти, поскольку касается частных лиц, что и влечет, на наш взгляд, нарушение принципа единства терминологии.

2. Принцип полноты состава, как указывает Ю.В. Орел, «означает исследование качества применения нормотворческой техники»¹. Диспозиция ст. 319 УК РФ, на наш взгляд, указанному принципу не соответствует. Это касается нескольких признаков рассматриваемого преступления: неприличности формы оскорбления, нахождения потерпевшего при исполнении своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением. В частности, эти признаки как бы «переполняют» состав, то есть не являются необходимыми. Неприличная форма – это этическая категория, не имеющая юридического содержания, а указание на связь с исполнением потерпевшим своих обязанностей охватывает случаи оскорбления при исполнении таковых.

Нарушение указанных принципов не свидетельствует о необходимости декриминализации оскорбления представителя власти. Это ставит задачу устранения этих нарушений и дополнения теории уголовного права необходимым понятийным аппаратом.

Следующим является принцип беспробельности и неизбыточности уголовно-правового запрета. Суть этого принципа, исходя из названия, заключается в том, что «уголовно-правовая норма не должна создавать законодательного пробела или образовывать избыточность в системе действующего законодательства»². Как верно отметил Л. М. Прокументов, неизбыточность запрета «подразумевает, во-первых, исключение возможного дублирования уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за совершение конкретного общественно опасного деяния, и, во-вторых, соответствие объемов уголовно-правового запрета характеру и степени общественной опасности деяния»³. Установление в ст. 319 УК РФ уголовной ответственности за оскорбление представителя власти не является избыточным, поскольку криминализация этого деяния социально обусловлена и необходима, на это мы обращали внимание ранее. Сама по себе рассматриваемая норма не создает законодательного пробела. Однако, как мы указали ранее, пробел (отсутствие дефиниции оскорбления) появился в результате декриминализации преступления, предусмотренного ст. 130 УК РФ.

Последним выступает принцип соразмерности санкции и экономии репрессии. Для анализа соблюдения этого принципа необходимо проанализировать пенализацию деяния, закрепленного в ст. 319 УК РФ. Под ней профессор А.И. Коробеев понимает процесс

¹ Орел Ю.В. Уголовно-правовые системные принципы криминализации преступлений против нормальной деятельности органов и учреждений пенитенциарной службы Украины // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Право. 2015. № 4 (23). С. 249.

² Сабитов Т.Р. Принципы криминализации и пенализации общественно опасных деяний // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: Право. 2011. Т. 7. № 1. С. 138.

³ Прокументов Л.М. Избыточность уголовно-правового запрета как необходимое условие криминализации деяния // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. статей. под ред. С. А. Елисеева, Л. М. Прокументова, В. А. Уткина, О. И. Андреевой, М. К. Свиридова, Н. С. Дергача. Томск, 2012. Ч. 54. С. 93.

© Ларин В.Ю.

установления уголовной наказуемости деяния¹. В науке выделяется два аспекта пенализации. «Первый заключается в конструировании санкции уголовно-правовой нормы. Второй связан с практикой назначения наказания и иных мер уголовно-правового характера за соответствующее общественно опасное деяние»².

Так, санкция ст. 319 УК РФ предусматривает несколько альтернативных наказаний:

- штраф в размере до сорока тысяч рублей;
- штраф в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех месяцев;
- обязательные работы на срок до трехсот шестидесяти часов;
- исправительные работы на срок до одного года.

Как видим, санкция не содержит такого вида наказания как лишение свободы, в связи с чем она имеет низкий карательный потенциал. Подобный подход свидетельствует о невысокой оценке законодателем общественной опасности данного преступления.

Размер штрафа от 5 000 (ч. 2 ст. 46 УК РФ) до 40 000 рублей, по нашему мнению, не способен в полной мере обеспечить предупредительный характер уголовно-правовых норм.

Для сравнения уместно, на наш взгляд, обратиться к ч. 2 ст. 298¹ УК РФ, Санкция данной нормы предусматривает наказание в виде штрафа в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода, осужденного за период до двух лет. Уместно согласиться с В.Ю. Лариным говорящим, что «перед нами явное социальное несоответствие при установлении санкций. Подобное правовое положение образовалось в результате процесса декриминализации ряда преступлений против чести и достоинства личности и перенесении их в разряд административных правонарушений. Впоследствии этого произошел обратный процесс, то есть криминализация, с существенным увеличением штрафных санкций»³.

В пользу повышения размера штрафа в ст. 319 УК РФ свидетельствует и сравнение этой статьи с ч. 2 ст. 5.61 КоАП РФ (оскорбление). В законе предусмотрено административное наказание в виде штрафа, налагаемого на граждан в размере от пяти до десяти тысяч рублей; на должностных лиц – от пятидесяти тысяч до ста тысяч рублей; на юридических лиц – от двухсот тысяч до семисот тысяч рублей. Иными словами, за совершение административного оскорбления можно понести более строгое наказание в виде штрафа, чем за совершение преступления, предусмотренного ст. 319 УК РФ. Подобное положение, на наш взгляд, нарушает два принципа криминализации: соразмерности санкций и системно-правовой непротиворечивости.

Приведенные данные, на наш взгляд, свидетельствуют о нарушении внутриотраслевой и межотраслевой взаимосвязи при конструировании санкции ст. 319 УК РФ.

Данные судебной статистики показывают, что штраф является самым распространенным наказанием по ст. 319 УК РФ. В среднем ежегодно к штрафу приговаривается около 4 900 человек, то есть более 55 % от числа всех лиц, привлеченных к ответственности по ст. 319 УК РФ. Снижение числа случаев применения штрафа (с 69 %

¹ Коробеев А.И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации. Владивосток, 1987. С. 123.

² Агапов П.В. Основы противодействия организованной преступной деятельности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 36.

³ Ларин В.Ю. Уголовная ответственность за оскорбление сотрудника органов внутренних дел осуществляющего функции представителя власти: дис. ... канд. юрид. наук. Москва. 2022. С. 69.

© Ларин В.Ю.

в 2011 г. до 42 % в 2019 г.¹⁾ можно объяснить тенденцией к увеличению назначения более высоких штрафов за оскорбление представителя власти. Так, с 2011 по 2022 год число осужденных к штрафу в размере более 25 000 рублей возросло в три раза².

В среднем по стране ежегодно осуждается к этому виду наказания около 1 900 человек. Это составляет примерно 20 % от общего числа лиц, привлеченных к ответственности по ст. 319 УК РФ. Наблюдается незначительная, но постоянная тенденция к увеличению числа таких случаев. Так, с 2010 по 2022 год в полтора раза увеличилась доля лиц, которым за совершение данного преступления назначено наказание в виде обязательных работ.

Данные судебной статистики свидетельствуют также о том, что наказание в виде исправительных работ за совершение деяния, закрепленного в ст. 319 УК РФ, в последние годы стало применяться гораздо чаще. В среднем ежегодно около 1 800 человек, то есть около 20 %, осуждается к данному виду наказания за совершение рассматриваемого преступления. С 2010 по 2022 год доля осужденных к такому виду наказания выросла вдвое³.

Санкция рассматриваемой нормы не содержит такого вида наказания как ограничение свободы. Оно не связано с лишением свободы, но может быть назначено достаточно широкому кругу лиц, в том числе тем, кому наказание в виде обязательных и исправительных работ не может быть назначено. Включение этого вида наказания в санкцию статьи (от двух месяцев до трех лет), по нашему мнению, позволило бы более индивидуально подходить к каждому виновному в оскорблении. Подобное отвечает общему требованию о достижении целей наказания.

Стоит отметить, что современная уголовная политика России свидетельствует о тенденции к усилению ответственности за преступления, посягающие на честь и достоинство личности. Такой вывод следует из ряда федеральных законов о внесении изменений в УК РФ. Так, в 2012 г. в УК РФ возвращена ответственность за клевету в отношении судьи, прокурора, следователя и дознавателя со значительно увеличенными размерами санкций (ст. 298¹⁾⁴. В конце 2020 года существенные изменения претерпели санкции нормы, регламентированной в ст. 128¹ УК РФ: за публичную клевету санкции дополнены такими наказаниями, как принудительные работы на срок до двух лет, арест до двух месяцев и лишение свободы до двух лет⁵. Поддерживая в целом такое решение, отметим, что оно лишено системного подхода, поскольку нетронутыми остались санкции специальной клеветы (ст. 298¹ УК РФ) и оскорбления представителя власти как смежного преступления.

В научной литературе предлагаются иные (специальные) критерии криминализации, относящиеся исключительно к ст. 319 УК РФ. Так, А. Г. Брагина в качестве одного из оснований, обуславливающих уголовно-правовой запрет оскорбления представителя власти, указывает на необходимость учета мнения судей и представителей

¹ Увеличение числа осужденных к штрафу в 2020 г. мы связываем с пандемией COVID–19, когда исполнение наказания в виде исправительных и обязательных работ в условиях самоизоляции объективно было бы затруднительным.

² Данные судебной статистики : Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://vsrf.ru/documents/statistics/?year=2011> (дата обращения: 24.05.2022).

³ Данные судебной статистики : Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://vsrf.ru/documents/statistics/?year=2010>

⁴ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 28.07.2012 № 141–ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ О внесении изменения в статью 128¹ Уголовного кодекса Российской Федерации : федер. закон от 30.12.2020 № 538–ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

© Ларин В.Ю.

власти¹. По нашему мнению, это вряд ли правильно. В данном случае А. Г. Брагина предприняла попытку субъективизации критериев криминализации, в то время как они должны носить исключительно объективный характер. Разумеется, мнение правоприменителей может учитываться при выявлении проблем применения той или иной нормы либо при поиске вариантов их разрешения. Однако само по себе установление уголовно-правового запрета не может зависеть от позиции правоприменителя.

В то же время есть и другие точки зрения. В уголовно-правовой литературе высказано предложение о декриминализации преступления, предусмотренного ст. 319 УК РФ. При аргументации подобного решения указывается на отсутствие оснований для криминализации деяния ввиду отсутствия его общественной опасности. В пользу декриминализации, по мнению П.А. Филиппова, свидетельствуют и различия в оценке деяния со стороны судов и законодателя².

Такие доводы представляются, по нашему мнению, неубедительными. Во-первых, заявление об отсутствии оснований для криминализации данного деяния опровергаются рядом аргументов, которые мы высказали ранее, по поводу критериев установления уголовно-правового запрета. Во-вторых, различия в оценке деяния со стороны правоприменителя и законодателя П.А. Филиппов связывает с результатами проведенного им изучения наказуемости оскорбления представителей власти. Как утверждает автор, «суды используют предусмотренные размеры санкции не более чем на 50 %»³. Эти результаты вызывают сомнение, так как согласно официальных статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, применяются все указанные в санкции ст. 319 УК РФ виды наказаний, в размерах, превышающих их средние значения. Кроме того, имеется тенденция последних лет на назначение более строгих наказаний по рассматриваемой норме.

Заключение. Наличие в уголовном законе запрета на оскорбление представителя власти с социальных позиций обусловлено необходимостью обеспечения такой деятельности государственных органов, при которой отсутствуют какие-либо ограничения или затруднения выполнения поставленных задач и (или) реализации возложенных полномочий.

Установление уголовной ответственности за преступление, регламентированное в ст. 319 УК РФ, имеет нормативно-правовые основы и согласуется с нормами международного права и положениями Конституции Российской Федерации. Установленный уголовно-правовой запрет не ограничивает свободу слова, поскольку не запрещает обоснованную критику органов власти в целом или отдельных их представителей, а также не препятствует обжалованию и признанию незаконными их действий и решений. Оскорбление фактически является злоупотреблением правом на свободу выражения своего мнения.

В настоящее время имеется необходимость в совершенствовании рассматриваемой нормы как при формулировании диспозиции статьи, так и в первую очередь изменении санкции за рассматриваемое деяние, ввиду несоответствия ее современным тенденциям развития законодательства.

¹ Брагина А.Г. Уголовная ответственность за оскорбление представителя власти: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск. 2006. С. 38.

² Филиппов П.А. О необходимости декриминализации уголовной ответственности за оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ) // Балтийский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6. № 3 (20). С. 371.

³ Филиппов П.А. О необходимости декриминализации уголовной ответственности за оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ) // Балтийский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6. № 3 (20). С. 371.

© Ларин В.Ю.

Список используемой литературы

1. Агапов П.В. Основы противодействия организованной преступной деятельности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. 452 с. EDN: SVHDPP.
2. Бавсун М.В. Целесообразность в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2002. 22 с. EDN: NMBPIR.
3. Баглай Ю.В. Уголовно-правовая охрана сотрудников правоохранительных органов, осуществляющих деятельность по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 254 с. EDN: QESZHT.
4. Брагина А.Г. Уголовная ответственность за оскорбление представителя власти: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2006. 236 с. EDN: NNZKNF.
5. Голик Ю.В., Коробеев А.И. Преступность – планетарная проблема (к итогам XI Конгресса ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию). СПб., 2006. 215 с. ISBN: 5-94201-519-8 EDN: QXGEQJ.
6. Кизилев А.Ю. Уголовно-правовое обеспечение управленческой деятельности представителей власти: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2002. 26 с. EDN: NLZHML.
7. Коробеев А.И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации. Владивосток, 1987. 268 с. EDN: TUEUKB.
8. Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. М., 2003. 352 с. EDN: QVQRDB.
9. Ларин В.Ю. Уголовная ответственность за оскорбление сотрудника органов внутренних дел осуществляющего функции представителя власти: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2022. 245 с. EDN: RWTVBQ.
10. Лопашенко Н.А. Анализ принципов криминализации на примере криминализации преступлений в сфере экономической деятельности // Современные проблемы уголовной политики: сб. матер. V Международной научно-практической конференции /под ред. А. Н. Ильяшенко. Краснодар, 2014. С. 143–155. EDN: TROYZP.
11. Орел Ю.В. Уголовно-правовые системные принципы криминализации преступлений против нормальной деятельности органов и учреждений пенитенциарной службы Украины // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Право. 2015. № 4 (23). С. 242–249. EDN: VVSLKX.
12. Прокументов Л.М. Неизбыточность уголовно-правового запрета как необходимое условие криминализации деяния // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. статей. под ред. С.А. Елисеева, Л.М. Прокументова, В.А. Уткина, О.И. Андреевой, М.К. Свиридова, Н.С. Дергача. Томск. 2012. Ч. 54. С. 93–95. EDN: UEBSBP.
13. Пузиков Р.В., Ирошников Д.В. Понятие государственной безопасности Российской Федерации // Вестник Тамбовского университета. Сер.: гуманитарные науки. 2011. № 4. С. 280–286. EDN: NNBVUB.
14. Рудый Н.К. Преступления против порядка управления, посягающие на служебную деятельность и личность представителей власти: сравнительный анализ законодательства России и стран СНГ: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. 39 с. EDN: WZMWDH.
15. Сабитов Т.Р. Принципы криминализации и пенализации общественно опасных деяний // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: Право. 2011. Т. 7. № 1. С. 135–142. EDN: NWZVCL.
16. Смоляков Е. В. Уголовно-правовое противодействие преступлениям, посягающим на здоровье, честь и достоинство представителя власти: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2015. 182 с. EDN: NJRKLL.
17. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс: в 10 т. / Т. 3: Уголовная политика. Уголовная ответственность / Александрова И. А. и др.; под ред. Н. А. Лопашенко. М., 2016. 751 с. ISBN: 978-5-4396-1055-6 EDN: UZYENN.
18. Филиппов П.А. О необходимости декриминализации уголовной ответственности за оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ) // Балтийский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6. № 3 (20). С. 365–371. EDN: ZOWBTD.
19. Чемеринский К.В. Принципы криминализации общественно опасных деяний // Российский криминологический взгляд. 2009. № 1. С. 404–406. EDN: KUNYRL.

References

1. Agapov P.V. Fundamentals of Counteracting Organized Crime: Abstract of a Doctor of Law Dissertation. Moscow, 2013. 452 p. EDN: SVHDPP.
2. Bavsun M.V. Expediency in Criminal Law: Abstract of a Cand. Sci. (Law) Dissertation. Omsk, 2002. 22 p. EDN: NMBPIP.
3. Baglai Yu.V. Criminal-Legal Protection of Law Enforcement Officers Carrying Out Activities to Maintain Public Order and Ensuring Public Safety: Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow, 2010. 254 p. EDN: QESZHT.
4. Bragina A.G. Criminal Liability for Insulting a Government Official: Cand. Sci. (Law) Dissertation. Krasnoyarsk, 2006. 236 p. EDN: NNZKNF.
5. Golik Yu. V., Korobeev A. I. Crime – a Planetary Problem (on the Results of the XI UN Congress on Crime Prevention and Criminal Justice). St. Petersburg, 2006. 215 p. ISBN: 5-94201-519-8 EDN: QXGEQJ.
6. Kizilov A. Yu. Criminal-legal support for the administrative activities of government officials: Abstract of a PhD thesis. Ulyanovsk, 2002. 26 p. EDN: NLZHML.
7. Korobeev A. I. Soviet criminal-legal policy: problems of criminalization and penalization. Vladivostok, 1987. 268 p. EDN: TUEUKB.
8. Kudryavtsev V.N. Crime Control Strategies. Moscow, 2003. 352 p. EDN: QVQRDB.
9. Larin V.Yu. Criminal Liability for Insulting an Employee of the Internal Affairs Bodies Performing the Functions of a Government Representative: Diss. ... Cand. of Law. Moscow, 2022. 245 p. EDN: RWTVBQ.
10. Lopashenko N.A. Analysis of the Principles of Criminalization Using the Example of Criminalization of Crimes in the Sphere of Economic Activity // Modern Problems of Criminal Policy: Collection of Materials of the V International Scientific and Practical Conference / edited by A.N. Ilyashenko. Krasnodar, 2014. pp. 143–155. EDN: TROYZP.
11. Orel Yu.V. Criminal-legal systemic principles of criminalization of crimes against the normal activities of bodies and institutions of the penitentiary service of Ukraine // Bulletin of the Voronezh state University. Series: Law. 2015. No. 4 (23). Pp. 242–249. EDN: VVSLKX.
12. Prozumentov L.M. Non-redundancy of a criminal-legal prohibition as a necessary condition for the criminalization of an act // Legal problems of strengthening Russian statehood: a collection of articles. edited by S.A. Eliseev, L.M. Prozumentov, V.A. Utkin, O.I. Andreeva, M.K. Tomsk. 2012. Part 54. Pp. 93–95. EDN: UEBSBP.
13. Puzikov R.V., Iroshnikov D.V. The Concept of State Security of the Russian Federation // Bulletin of Tambov University. Series: Humanitarian Sciences. 2011. No. 4. pp. 280–286. EDN: NNBVUB.
14. Rudy N.K. Crimes against administrative order, infringing on the official activities and personality of government officials: a comparative analysis of the legislation of Russia and the CIS countries: author's abstract. diss. ... Doctor of Law. Moscow, 2009. 39 pp. EDN: WZMWDH.
15. Sabitov T.R. Principles of Criminalization and Penalization of Socially Dangerous Acts // Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Law. 2011. Vol. 7. No. 1. pp. 135–142. EDN: NWZVCL.
16. Smolyakov E. V. Criminal-legal counteraction to crimes that infringe on the health, honor and dignity of a government official: diss. ... Cand. of Law. Krasnodar, 2015. 182 p. EDN: NJRKLL.
17. Criminal Law. General Part. Crime. Academic Course: in 10 volumes / Volume 3: Criminal Policy. Criminal Liability / Aleksandrova I. A. et al.; edited by N. A. Lopashenko. Moscow, 2016. 751 p. ISBN: 978-5-4396-1055-6 EDN: UZYENN.
18. Filippov P. A. On the Need to Decriminalize Criminal Liability for Insulting a Government Official (Article 319 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Baltic Journal of Humanities. 2017. Vol. 6. No. 3 (20). Pp. 365–371. EDN: ZOWBTD.
19. Chemerinsky K.V. Principles of Criminalization of Socially Dangerous Acts // Russian Criminological View. 2009. No. 1. Pp. 404–406. EDN: KUHRYL.

Екатерина Ивановна
Небогатикова

адъюнкт 3 факультета
Академии управления МВД России

Рязань
Российская Федерация

Ekaterina I. Nebogatikova

adjunct of the 3rd faculty Academy of the
FPS of Russia

Ryazan
Russian Federation

✉ Swesda_1@mail.ru

УДК

Понятие и принципы планирования борьбы с преступностью

The concept and principles of planning to combat crime

Аннотация. Актуальность рассматриваемой темы обусловлена необходимостью модернизации стратегий государственного реагирования на современные криминальные вызовы. В статье обосновывается тезис о том, что в условиях постоянно увеличивающихся угроз общественной безопасности и высокой адаптивности преступности к внешним условиям традиционные разрозненные меры теряют свою эффективность. Акцентируется внимание на том, что хаотичное, бессистемное воздействие, не подкрепленное должной материально-ресурсной базой, способно привести лишь к кратковременным результатам, не решая проблему системно.

Целью исследования является теоретико-методологический анализ сущности планирования борьбы с преступностью (криминологического программирования) как инструмента социального управления. В работе проводится разграничение между невозможным «управлением преступностью» и необходимым «управлением процессом борьбы с ней», что базируется на фундаментальных подходах отечественной криминологии.

Выводы статьи сводятся к определению планирования как сложного единства теоретических установок и конкретных практических мероприятий. Автором доказано, что переход к плановым началам позволяет трансформировать деятельность правоохранительных органов из реактивной в проактивную. Сделан вывод о том, что именно системное планирование выступает ключевым условием для обеспечения стабильной государственной безопасности на федеральном и региональном уровнях, позволяя государству удерживать контроль над негативными социальными процессами.

Ключевые слова: борьба с преступностью; криминологическое планирование; криминологическое программирование; государственное управление; общественная безопасность; системный подход; стратегия противодействия.

Abstract. The relevance of this topic stems from the need to modernize government response strategies to contemporary criminal challenges. The article argues that, in the face of ever-increasing threats to public safety and the high adaptability of crime to external conditions, traditional, disjointed measures are losing their effectiveness. It emphasizes that chaotic, unsystematic interventions, unsupported by adequate resources, can only produce short-term results without addressing the problem systematically.

The aim of this study is a theoretical and methodological analysis of the essence of crime control planning (criminological programming) as a tool for social management. The paper distinguishes between the impossible "management of crime" and the necessary "management of the process of combating it," drawing on fundamental approaches in Russian criminology.

The article concludes by defining planning as a complex unity of theoretical principles and specific practical measures. The author demonstrates that the transition to a planned approach enables the transformation of law enforcement activities from reactive to proactive. It is concluded that systemic planning is a key condition for ensuring stable national security at the federal and regional levels, allowing the state to maintain control over negative social processes.

Keywords: crime control; criminological planning; criminological programming; public administration; public safety; systems approach; counteraction strategy.

Для цитирования: *Небогатикова Е.И.* Понятие и принципы планирования борьбы с преступностью // Научные исследования преступления и наказания. № 4. 2025. С. 32–38.

For citation: *Ekaterina I. Nebogatikova* The concept and principles of planning to combat crime // Scientific Crime and Punishment Research Journal. No 4. 2025. P. 32–38.

Введение. Обеспечение безопасности государства в современных условиях требует не просто реакции на совершенные правонарушения, а выстраивания целостной стратегии сдерживания негативных социальных процессов. В отечественной криминологической доктрине аксиоматичным является положение о том, что динамика преступности должна находиться в сфере постоянного и управляемого государственного влияния¹. Однако методология этого влияния требует уточнения. Фундаментальной основой для понимания границ этого воздействия служит позиция И.И. Карпеца, справедливо отмечавшего, что «...нельзя "управлять" преступностью, но можно и нужно на основе глубокого научного анализа управлять процессом борьбы с нею»². Этот тезис приобретает особую актуальность сегодня, когда преступность демонстрирует высокую адаптивность к изменяющейся социально-экономической обстановке³. Практика показывает, что хаотичное, бессистемное противодействие, не подкрепленное должной материально-ресурсной базой, неизбежно ведет к снижению эффективности правоохранительной деятельности. Результаты таких разрозненных мер, как правило, либо отсутствуют, либо носят кратковременный характер, не оказывая влияния на глубинные детерминанты криминальной среды.

Постоянная эволюция угроз общественной безопасности как на федеральном, так и на региональном уровнях ставит перед наукой и практикой задачу поиска новых управленческих алгоритмов. Ключевым инструментом перехода от ситуативного реагирования к стратегическому управлению выступает криминологическое планирование (программирование). В данной статье рассматриваются понятие и принципы планирования как совокупности теоретических установок и практических мер, направленных на системное достижение целей борьбы с преступностью⁴.

Процессы планирования, будучи одним из важных элементов борьбы с преступностью, по своей методологии представляются довольно сложными, системно-структурными процессами, которые реализуются посредством использования целой совокупности различных методов⁵. Одним из первых исследователей криминологического планирования в СССР считают В.Н. Кудрявцева, который предлагал сделать борьбу с преступностью «плановой и организованной» в связи с тем, что преступность считал стихийным процессом⁶.

В то же время видный советский, а в последующем – российский ученый Г.А. Аванесов полагал, что планирование является частью механизма управления, одной из

¹ Аванесов Г.А. Теория и методология криминологического прогнозирования и планирования / Г.А. Аванесов. М., 1972. 334 с.; Васин Ю.Г. Планирование и моделирование мер борьбы с организованной преступностью: особенности методологии и перспективы // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 5. С. 183–186.

² Вицин С.Е. Системный подход и преступность / С.Е. Вицин. М.: Академия МВД СССР, 1980. С. 35.

³ Криминология: учебное пособие / Под ред. С.Я. Лебедева. М.А. Кочубей. М.: ЮНИТИ-ДАНА. 2017. С. 209.

⁴ Сердюк Л.В. Криминология (Общая часть): курс лекций / Л.В. Сердюк, Н.Р. Асмандиярова, П.Л. Сердюк. Уфа: Уфимский ЮИ МВД России. 2018. С. 98.

⁵ Аванесов Г.А. Криминология. Прогностика. Управление / Г.А. Аванесов. Горький. 1975. С. 381; Леванский В.А. Моделирование в социально-правовых исследованиях / В.А. Леванский. М.: Наука, 1986. С.14.

⁶ Кудрявцев, В.Н. Избранные труды по социальным наукам / В.Н. Кудрявцев. М., 2002. Т. 2. С. 149.

форм управленческого решения. С его точки зрения планирование в управлении реализовывается и как элемент, и как функция, и как метод, и как принцип¹. В своих трудах Г.А. Аванесов определяет планирование борьбы с преступностью, поглощающее все стороны деятельности органов в области борьбы с преступностью, которые основаны в первую очередь, на исследовании детерминантов уголовных проявлений, на анализе и умозаключении прошлого и настоящего опыта профилактической работы, а также на криминологическом прогнозировании². Именно Г.А. Аванесовым поддерживались системный и комплексный подходы к планированию, а также предлагалась комплексная целевая программа организации профилактической деятельности.

В науке криминологии имеются и другие понятия планирования борьбы с преступностью. Многие ученые в области криминологии отождествляют планирование борьбы с преступностью с криминологическим планированием. Н.Ф. Кузнецова и Г.М. Миньковский представляют планирование борьбы с преступностью как формирование для решения задач борьбы с преступностью направлений и средств, их нормативного, информационного, организационного, методического и ресурсного обеспечения на конкретное время, полагая при этом однозначный показатель и контроль за их достижением³.

Основой для принятия решений в сфере криминологического планирования, в том числе для выработки направлений и средств прямого воздействия на преступность в целом, как в прошлом, так и настоящем являются криминологические прогнозы⁴. Криминологическое прогнозирование направлено на установление, во-первых, того, что конкретно может произойти и, во-вторых, при наступлении каких условий. В свою очередь, криминологическое планирование определяет, что именно должно произойти, а также кому и что конкретно для этого необходимо выполнить. Прогноз отличается вероятностным характером, а план – определенным, обязательным, директивным.

Таким образом, если целью прогнозирования является выявление возможных вариантов будущего изменения преступности и, соответственно, обстоятельств, способствующих снижению уровня преступности, то при планировании определяется, какие мероприятия следует организовать, сроки их проведения, необходимые средства, исполнители и так далее. Главная особенность соотношения криминологического прогнозирования и криминологического планирования заключается в том, что, если анализируемые данные достоверны, метод прогнозирования выбран правильно, верно определены планируемые мероприятия, которые впоследствии были своевременно реализованы, то предполагаемые криминологические прогнозы не должны будут оправдаться. Цель осуществления планирования борьбы с преступностью заключается в решении правоохранительными органами и иными организациями, вовлеченными в данный процесс, комплекса задач по борьбе с преступностью. Задачи реализации планирования борьбы с преступностью включают в себя не только обеспечение постоянного совершенствования деятельности соответствующих правоохранительных органов, но и достижение эффективности в работе, направленной на предупреждение преступлений⁵, а также координацию совместных усилий в целях борьбы с преступностью в течение

¹ Криминология. Учебник / Аванесов Г.А. - 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Акад. МВД СССР. 1984. С. 480.

² Аванесов Г.А. Теория и методология криминологического прогнозирования / Г.А. Аванесов. М.: Юридическая литература, 1972. 334 с.

³ Криминология / под ред. Кузнецовой Н.Ф., Миньковского Г.М., М.: Изд. МГУ, 1994. С. 186.

⁴ Модель регионального криминологического и уголовно-правового прогноза. Учебное пособие / Воронцов Б.С., Максимов С.В., Миньковский Г.М., Петров В.А., и др.; под ред.: Алексеев А.И. М., 1994. С. 16.

⁵ Сердюк Л.В. Криминология (Общая часть): курс лекций / Л.В. Сердюк, Н.Р. Асмандиярова, П.Л. Сердюк. Уфа: Уфимский ЮИ МВД России. 2018. С. 99.

© Небогатикова Е.И.

определенного промежутка времени на соответствующей обслуживаемой ими территории. Субъектами реализации криминологического планирования выступают, прежде всего, органы, осуществляющие непосредственную борьбу с преступностью, в том числе и органы внутренних дел, а также иные организации. Объект криминологического планирования – это непосредственно служебная деятельность по борьбе с преступностью соответствующих правоохранительных органов и деятельность иных, негосударственных объединений, вовлеченных в данную сферу.

В качестве основных методов, применяемых при составлении планов борьбы с преступностью, следует выделить:

- метод специальной экспертизы;
- метод верного определения исходных моментов основных звеньев плана;
- метод формулирования задач плана в целом;
- метод использования научных исследований,
- различные математические методы и другие¹.

Таким образом, планирование борьбы с преступностью включает в себя:

во-первых, меры прогнозирования криминологической обстановки как в государстве в целом, так в отдельном регионе, городе или районе (на обслуживаемой территории);

во-вторых, объективный расчет используемых сил и средств правоохранительной системы либо отдельных её частей для осуществления борьбы с преступностью;

в-третьих, разработку соответствующего комплекса мер и решений задач в сфере предупреждения и пресечения возможных отклонений в складывающейся криминальной модели;

в-четвертых, реализацию перечисленных мер при осуществлении различных аспектов правоохранительной, в том числе и профилактической, деятельности.

Реализация криминологического планирования осуществляется посредством разработки и принятия соответствующих документов, а именно – планов, являющихся надлежащим образом оформленными управленческими решениями, в которых, во-первых, предусмотрена совокупность мер, направленных на достижение целей и решение задач в определенный период времени; во-вторых, указаны сроки исполнения, конкретные исполнители и другие положения, уточняющие порядок исполнения намеченных мероприятий. При этом характер и содержание деятельности по планированию борьбы с преступностью должны быть основаны на соответствующей системе принципов как базовых элементов, соблюдение которых играет важную роль в осуществлении подобной деятельности.

В настоящее время выработано множество подходов к их классификации, при этом разными учеными выдвигаются различные критерии для подобного разграничения принципов и их систематизации. Однако среди множества точек зрения представляется рациональной точка зрения И.А. Биккинина², согласно которой выдвигается такой критерий, как степень общности положений, составляющих содержание того или иного принципа. Так, по мнению И.А. Биккинина, на уровне субъекта Российской Федерации необходимо выделять две группы принципов планирования борьбы с преступностью: общие и специально-юридические. Первые обусловлены, прежде всего, такими факторами, как: территориальные особенности субъекта Российской Федерации, уровень его экономического развития,

¹ Там же.

² Биккинин И.А. Программирование борьбы с организованной преступностью на уровне субъекта Российской Федерации (по материалам Республики Башкортостан): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Московский институт МВД России. 2000. С. 12–13.

© Небогатикова Е.И.

природно-климатические особенности, демографическая ситуация и комплекс иных, характерных только данному региону черт¹.

Специально-юридические принципы, в свою очередь, обуславливают подходы к созданию и совершенствованию системы планирования борьбы с преступностью на уровне субъекта Российской Федерации с учетом требований соответствующего уровня реализации государственной политики в сфере профилактики преступлений. Подобные принципы включают:

1) принцип конституционности, предусматривающий верховенство норм Конституции России и, как следствие, невозможность принятия на уровне субъекта Российской Федерации какого-либо нормативного акта, чьи положения бы противоречили нормам основного закона и, тем самым, посягали бы на основы конституционного строя государства;

2) принцип разграничения полномочий между федеральным центром и субъектами Российской Федерации, заключающийся в реализации криминологического планирования на региональном уровне в пределах соответствующих полномочий субъекта Федерации.

3) принцип системности, предполагающий согласованность всех действующих на определенной территории планов (программ) борьбы с преступностью. Практическая значимость данного принципа заключается в преодолении дублирования положений федеральных целевых планов борьбы с преступностью соответствующими положениями региональных планов. При этом данный принцип предполагает и тот факт, что региональные планы борьбы с преступностью также должны быть согласованы между собой. Безусловно, главную роль в деятельности органов законодательной и исполнительной власти соответствующего субъекта федерации должны играть планы борьбы с преступностью именно федерального уровня. В то же время системность подобного планирования заключается, прежде всего, в комплексном подходе к решению актуальных проблем, например, организации и реализации мер, направленных на борьбу с преступностью, так как ограничение планирования лишь отраслевыми рамками может быть неэффективным при решении проблем межотраслевого характера. Примером подобной проблемы может служить организация слаженной и эффективной координации региональными органами государственной власти деятельности правоохранительных органов по вопросам борьбы с преступностью в целом или отдельными ее видами и проявлениями.

4) принцип преемственности, содержание которого заключается в необходимости использования накопленного исторического и правового опыта при разработке соответствующих планов борьбы с преступностью. Система планирования должна основываться на результатах, полученных при реализации предыдущих планов, включать в себя мероприятия, которые либо не были завершены, либо были перенесены по срокам².

Изучение научных работ различных исследователей позволило прийти к выводу о необходимости включения в систему планирования борьбы с преступностью следующих общих принципов:

1. Принцип целенаправленности, в соответствии с которым в основе планов находятся долгосрочные цели, однако при этом носящие актуальный характер, отличающиеся четкостью и ясностью во избежание неправильного толкования. Кроме того, обязательно должен быть определен субъект целеполагания и реализации соответствующего плана.

2. Принцип партнерства, в соответствии с которым главную роль играет не

¹ Лаптев А.С. Принципы криминологического планирования // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2009. №2 (4). С. 148.

² Лаптев А.С. Принципы криминологического планирования // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2009. № 2 (4). С. 149.

механизм вертикального иерархического соподчинения, а механизм привлечения к обсуждению и разработке соответствующих планов представителей науки, религиозных конфессий, общественности¹.

3. Принцип адаптивности, в соответствии с которым предусматривается возможность внесения изменений в ранее составленный план при наступлении каких-либо изменений или непредвиденных обстоятельств.

4. Принцип привлечения независимых экспертов предусматривает привлечение лиц, обладающих познаниями в различных областях и в этой связи способных дать объективную оценку комплексу планируемых мероприятий².

5. Принцип динамичности, содержание которого составляет непрерывность реализации процесса планирования борьбы с преступностью. Автором данного принципа в научной сфере принято считать П.И. Тарасова-Родионова³. В дальнейшем к данному принципу обращались и зарубежные ученые⁴. Динамичность заключается в преемственности и взаимосвязи планов различной продолжительности: долго-, средне- и краткосрочных, что способствует установлению определенной периодичности формирования подобных планов.

6. Принцип актуальности (своевременности), который устанавливает необходимость того, чтобы содержание составленных планов было направлено на разрешение наиболее важных проблем, прямо влияющих на состояние законности и правопорядка как на территории отдельного региона, так и государства в целом. Принятию соответствующего планового решения должен предшествовать комплексный анализ состояния криминогенной обстановки за предшествующий период. Несвоевременно принятый план лишает субъектов борьбы с преступностью возможности эффективно подготовить его выполнение, организовать результативную работу. В этой связи соответствующий план должен быть составлен и утвержден заблаговременно, то есть до начала планируемого периода⁵.

7. Принцип цифровизации – интеграция цифровых технологий в процессе подготовки планов, направленных на борьбу с преступностью.

Таким образом, проведенное исследование позволяет уточнить определение понятия «планирование борьбы с преступностью», которое является комплексом слаженных действий ряда субъектов (правоохранительных органов, иных органов государственной власти федерального и регионального уровней, муниципальных органов власти, общественных организаций и отдельных институтов гражданского общества), направленных на формулирование основных целей и актуальных задач борьбы с преступностью, а также перспективных направлений, способов и механизмов достижения данных целей и разрешения поставленных задач, включая меры нормативно-правового, информационно-аналитического, организационно-методического, материально-ресурсного обеспечения в течение определенного периода на соответствующей (обслуживаемой) территории.

Вышеуказанная дефиниция понятия планирования борьбы с преступностью способствует систематизации принципов, лежащих в его основе. Так, система принципов планирования борьбы с преступностью также носит сложный, комплексный характер, и соблюдение данных принципов прямо влияет на эффективность планирования борьбы с преступностью как важного направления государственной деятельности в Российской

¹ Там же. С. 148.

² Лазарев А.В. Бизнес-планирование как форма экономического управления / А.В. Лазарев. М., 2000. С. 21.

³ Тарасов-Родионов П.И. Предварительное следствие / П.И. Тарасов-Родионов. М., 1948. С.66.

⁴ Musil J., Konrad Z., Suchanek J. Kriminalistika. Vyd. 1. Praha, 2001. S.274.

⁵ Лаптев А.С. Принципы криминологического планирования // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2009. № 2 (4). С. 149.

Федерации, основывающегося на криминологических прогнозах состояния преступности в государстве в целом или в отдельных субъектах федерации. Теоретическое осмысление системы принципов планирования борьбы с преступностью играет существенную роль в построении механизма подобного планирования, так как позволяет выделить наиболее важные аспекты в данной деятельности. Игнорирование принципов правоприменителями и законодателями приведет к невозможности построения эффективной и оптимизированной системы планирования борьбы с преступностью на современном этапе.

Список используемой литературы

1. Аванесов Г.А. Криминология. Прогностика. Управление / Г.А. Аванесов. Горький. 1975. С. 381. EDN: ZAVBNB.
2. Аванесов Г.А. Теория и методология криминологического прогнозирования / Г.А. Аванесов. М.: Юридическая литература. 1972. 334 с. EDN: ZAVBKX.
3. Биккинин И. А. Программирование борьбы с организованной преступностью на уровне субъекта Российской Федерации (по материалам Республики Башкортостан): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И. А. Биккинин. М.: Московский институт МВД России. 2000. С. 12–13. EDN: NLQFXV.
4. Лаптев А.С. Принципы криминологического планирования // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2009. № 2 (4). С. 148. EDN: QIVVSP.
5. Вицин С.Е. Системный подход и преступность / С.Е. Вицин. М.: Академия МВД СССР. 1980. С. 35. EDN: YZHABV.
6. Васин Ю.Г. Планирование и моделирование мер борьбы с организованной преступностью: особенности методологии и перспективы // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 5. С. 183–186. EDN: RILGDT.

Reference

1. Avanesov G.A. Criminology. Prognostics. Management / G.A. Avanesov. Bitter. 1975. P. 381. EDN: ZAVBNB.
2. Avanesov G.A. Theory and methodology of criminological forecasting / G.A. Avanesov. M.: Legal literature. 1972. 334 p. EDN: ZAVBKX.
3. Bikkinin I.A. Programming the fight against organized crime at the level of a constituent entity of the Russian Federation (based on materials from the Republic of Bashkortostan): abstract. dis. ...cand. legal Sciences / I.A.Bikkinin. M.: Moscow Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2000. pp. 12–13. EDN:NLQFXV.
4. Laptev A.S. Principles of Criminological Planning // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2009. No. 2 (4). P. 148. EDN: QIVVSP.
5. Vitsin S.E. Systems Approach and Crime / S.E. Vitsin. Moscow: Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR. 1980. P. 35. EDN: YZHABV.
6. Vasin Yu.G. Planning and Modeling of Measures to Combat Organized Crime: Features of Methodology and Prospects // Gaps in Russian Legislation. 2013. No. 5. P. 183–186. EDN: RILGDT.

**Владимир Александрович
Осипов**

заместитель начальника кафедры
уголовного права Московского
университета МВД России имени
В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

Москва
Российская Федерация

Vladimir A. Osipov

Deputy Head of the Department of Criminal
Law of the Kikot Moscow University of the
Ministry of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Law, Associate Professor

Moscow
Russian Federation

✉ ovawolf18@mail.ru
SPIN-код (РИНЦ) 4155-2004

Александр Сергеевич Туманов

доцент департамента права Московского
городского педагогического
университета, кандидат юридических
наук
Москва
Российская Федерация

Aleksander S. Tumanov

Associate Professor, Department of Law,
Moscow City Pedagogical University,
Candidate of Law

Moscow
Russian Federation

✉ tumanov.alexander18@gmail.com
SPIN-код (РИНЦ) 9026-8391

УДК

**Незаконное осуществление деятельности по возврату просроченной
задолженности физических лиц: основание уголовной ответственности
и вопросы правоприменения**

**Illegal collection of overdue debt from individuals: grounds for criminal
liability and law enforcement issues**

Аннотация. Актуальность. В статье представлен комплексный доктринальный анализ состава преступления, предусмотренного статьей 172⁴ УК РФ, и вопросов потенциального применения указанной новеллы. Актуальность исследования обусловлена трансформацией уголовной политики в сфере охраны экономических отношений и смещением акцента с защиты интересов кредитора на защиту прав личности должника. В работе детально рассматриваются элементы состава преступления: объект, объективная сторона, субъективные признаки. Особое внимание уделено дискуссионным вопросам квалификации, в частности проблеме правового «вакуума» при оценке угроз распространения правдивых, но позорящих сведений относительно должника. Авторами проведено разграничение ст. 172⁴ УК РФ со смежными составами (вымогательством, самоуправством и пр.). Сделан вывод о диспропорции санкций в действующем уголовном законодательстве и предложены пути совершенствования нормы.

Целью статьи является комплексная уголовно-правовая характеристика состава преступления, предусмотренного ст. 172⁴ УК РФ, выявление дефектов юридической техники, осложняющих квалификацию, а также разграничение данного деяния со смежными составами преступлений.

Выводы. В ходе исследования установлено, что ключевым критерием разграничения ст. 172⁴ УК РФ и вымогательства (ст. 163 УК РФ) является предмет посягательства: наличие реального права требования долга исключает квалификацию как вымогательство даже при использовании незаконных методов. Авторы выявляют существенный законодательный пробел в конструкции объективной стороны: формулировка о запрете распространения только заведомо ложных сведений фактически декриминализует шантаж должника путем огласки правдивой, но позорящей информации (например, о наличии долга или болезни). Также критике подвергается казуистичное описание специального субъекта преступления и диспропорция санкций.

Ключевые слова: возраст просроченной задолженности, неправомерные действия, заведомо ложные сведения, вымогательство, самоуправство.

Annotation. Relevance. The article presents a comprehensive doctrinal analysis of the corpus delicti provided for in Article 172⁴ of the Criminal Code of the Russian Federation and the issues of the potential application of this novel. The relevance of the study is due to the transformation of criminal policy in the field of protection of economic relations and the shift in emphasis from protecting the interests of the creditor to protecting the rights of the debtor's personality. The work examines in detail the elements of the crime: the object, the objective side, and the subjective signs. Special attention is paid to controversial issues of qualification, in particular, the problem of a legal "vacuum" in assessing threats to the dissemination of truthful but shameful information about the debtor. The authors distinguished Article 172⁴ of the Criminal Code of the Russian Federation from related offences (extortion, arbitrariness, etc.). They concluded that sanctions were disproportionate in the current criminal legislation and suggested ways to improve the norm.

The purpose of the article is to provide a comprehensive criminal and legal description of the corpus delicti provided for in Article 172⁴ of the Criminal Code of the Russian Federation, to identify defects in legal technology that complicate the qualification, as well as to distinguish this act from related crimes.

Conclusions. The study found that the key criterion for distinguishing between Article 172⁴ of the Criminal Code and extortion (Article 163 of the Criminal Code) is the subject of encroachment: the existence of a real right to claim a debt precludes qualification as extortion, even when using illegal methods. The authors identify a significant legislative gap in the construction of the objective side: the wording prohibiting the dissemination of only knowingly false information actually decriminalizes blackmail of the debtor by publicizing truthful but shameful information (for example, about debt or illness). The casual description of the special subject of the crime and the disproportion of sanctions are also criticized.

Keywords: repayment of overdue debt, illegal actions, deliberately false information, extortion, arbitrariness.

Для цитирования: Осипов В.А., Туманов А.С. Незаконное осуществление деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц: основание уголовной ответственности и вопросы правоприменения // Научные исследования преступления и наказания. № 4. 2025. С. 39–46.

For citation: Vladimir A. Osipov, Aleksander S. Tumanov Illegal collection of overdue debt from individuals: grounds for criminal liability and law enforcement issues // Scientific Crime and Punishment Research Journal. No 4. 2025. P. 39–46.

Введение. Современный этап развития финансово-экономических отношений в Российской Федерации характеризуется стремительным ростом рынка потребительского кредитования. Как отмечают исследователи, за последнее десятилетие наблюдается устойчивая тенденция к увеличению долговой нагрузки населения¹. Обратной стороной доступности финансовых ресурсов стал рост просроченной задолженности, что, в свою очередь, катализировало развитие рынка услуг по ее возврату (коллекторской деятельности).

¹ Никитин К.И. Социально-правовая обусловленность криминализации незаконного осуществления деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9 (237). С. 556.

© Осипов В.А.

© Туманов А.С.

Деятельность по взысканию долгов, имеющая высокую социальную значимость, нередко сопряжена с нарушением прав и законных интересов граждан. Статистика Федеральной службы судебных приставов (ФССП России) свидетельствует о росте социальной напряженности в данной сфере: количество жалоб на незаконные действия коллекторов неуклонно увеличивается. Так, в 2023 году число обоснованных жалоб выросло на 5 % относительно 2022 года, а общее количество обращений показало рост на 33 %. Ежегодно в ФССП России поступает до 30 тысяч обращений граждан, столкнувшихся с угрозами, шантажом и психологическим давлением¹.

Обсуждение и результаты. Долгое время государство пыталось регулировать данную сферу инструментами административного и гражданского законодательства. Однако административной преюдиции оказалось недостаточно для пресечения наиболее опасных форм воздействия на должников. Привлечение «черных коллекторов» к ответственности по общеуголовным статьям (ст. 163, 119, 330 УК РФ) также вызывало сложности в правоприменении из-за специфики субъектного состава и целей деяния². Криминализация незаконной деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц (ст. 172.4 УК РФ) стала важным этапом реализации уголовной политики, направленной на защиту слабой стороны в кредитных правоотношениях. Первый приговор по анализируемой статье был вынесен лишь в сентябре 2025 года и на данный момент является единственным³. Вместе с тем новизна нормы порождает множество вопросов теоретического и практического характера, требующих, как минимум, глубокого научного осмысления.

Вопрос об объекте преступления, предусмотренного ст. 172⁴ УК РФ, является дискуссионным в теории уголовного права. Законодатель поместил норму в главу 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности», что формально определяет родовой объект как общественные отношения, обеспечивающие надлежащее регулирование экономики. Однако, как справедливо отмечают М.М. Дайшутов и А.А. Чугунов, более точным определением непосредственного объекта являются общественные отношения в сфере надлежащего исполнения обязательств имущественного характера⁴. Речь идет не о любой задолженности, а о срочных обязательствах финансового характера, возникших из договора.

Важнейшей характеристикой состава является его двуобъектность. Основной непосредственный объект, установленный законом, – это нормальный порядок осуществления деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц. Дополнительные обязательные объекты: здоровье человека, физическая неприкосновенность, собственность, а также честь и достоинство личности. Предметом преступления выступают денежные средства в сумме, соответствующей размеру реальной

¹ Цой Л.В. Уголовная ответственность за незаконное осуществление деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц // Ученые записки Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 2023. № 2 (23). С. 52.

² Осипов В.А., Туманов А.С. Разграничение незаконного осуществления деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц со смежными составами преступлений // Проблемы противодействия преступлениям в сфере экономической деятельности в странах ЕАЭС и СНГ (памяти профессора Н.И. Загородникова) (к 50-летию образования Московской высшей школы милиции МВД СССР): Международная научно-практическая конференция, 15–16 мая 2025 г. : сборник научных трудов / [сост. Л. А. Рускевич]. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2025. С.32–36.

³ Приговор Прикубанского районного суда г. Краснодара от 10.09.2025 г. по делу № 1-926/2025.

⁴ Дайшутов М.М., Чугунов А.А. Объективные и субъективные признаки незаконного осуществления деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 5. С. 49.

© Осипов В.А.

© Туманов А.С.

задолженности перед кредитором. Это принципиально важный момент: если вымогатель требует сумму, превышающую долг, или несуществующий долг, предмет меняется, и квалификация осуществляется по ст. 163 УК РФ.

Объективная сторона состава преступления характеризуется активными действиями, направленными на возврат просроченной задолженности. Состав сформулирован как формальный: преступление окончено с момента совершения действий, запрещенных законом, независимо от наступления последствий (возврата долга)¹.

Диспозиция ч. 1 ст. 172⁴ УК РФ предусматривает исчерпывающий перечень альтернативных способов совершения преступления: угроза применением насилия; угроза уничтожением или повреждением имущества; угроза распространением либо распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство потерпевшего или его близких.

Анализ диспозиции выявляет серьезный дефект юридической техники, на который указывают исследователи². Законодатель криминализировал угрозу распространения только заведомо ложных сведений. Это означает, что, если коллектор угрожает распространить правдивые, но позорящие сведения (например, разослать всем коллегам и родственникам информацию о наличии долга, сведения о болезни или судимости), его действия формально не подпадают под признаки ст. 172⁴ УК РФ. Текущая редакция ст. 172⁴ УК РФ фактически оставляет безнаказанным один из самых распространенных методов психологического давления – публичная огласка правдивой информацией о наличии задолженности у конкретного лица. Кроме того, отметим сложность квалификации угроз в цифровую эпоху. Угроза может быть выражена не только вербально, но и конклюдентными действиями (отправка эмодзи с гробом, венком), что требует тщательной психолого-лингвистической экспертизы.

Вопрос о субъекте преступления, предусмотренного ст. 172⁴ УК РФ, является одним из наиболее дискуссионных. Исходя из конструкции нормы, субъект является специальным. Согласно доктринальным источникам, это вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста, которое действует от имени или в интересах кредитора³.

Законодатель попытался охватить максимально широкий круг лиц, включив в него:

1. Работников кредитных организаций (банков) и микрофинансовых организаций.
2. Лиц, которым права переданы по договору уступки прав требования (цессии).
3. Лиц, действующих от имени или в интересах вышеуказанных субъектов.

Однако юридическая техника описания субъекта подвергается справедливой критике. Так, А.А. Коренная указывает на существенный недостаток конструкции: признаки субъекта сформулированы чрезмерно казуистично, с использованием соединительного оборота «в том числе», что перегружает диспозицию и усложняет правоприменение. Автор отмечает, что «круг субъектов преступления не имеет четких критериев», и предлагает использовать более лаконичную формулировку по аналогии со ст. 14.57 КоАП РФ⁴.

¹ Дайшутов М.М., Чугунов А.А. Указ. соч. С. 49–50.

² Коренная А.А. Дискуссионные вопросы уголовной ответственности за незаконное осуществление деятельности по возврату просроченной задолженности (статья 172.4 УК РФ) // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2024. № 4 (106). С. 122.

³ Дайшутов М.М., Чугунов А.А. Указ. соч. С. 52.

⁴ Коренная А.А. Указ. соч. С. 53.

Важно подчеркнуть, что статус субъекта неразрывно связан с наличием трудовых или гражданско-правовых отношений с кредитором. Если лицо официально не трудоустроено и не имеет поручения от кредитора, но самовольно «выбивает» долг (даже с благой целью вернуть деньги банку), оно не может нести ответственность по ст. 172⁴ УК РФ. В таких случаях содеянное должно квалифицироваться как вымогательство по ст. 163 УК РФ, поскольку отсутствует специальный признак субъекта.

Субъективная сторона рассматриваемого деяния характеризуется виной в форме прямого умысла. Виновный осознает общественную опасность своих действий (угроз, распространения сведений), осознает, что нарушает установленный законом порядок возврата долгов, и желает совершить эти действия.

Ключевым признаком, отграничивающим данное преступление от иных посягательств на личность, является специальная цель – возврат просроченной задолженности. Хотя в диспозиции статьи слово «цель» прямо не используется, формулировка «действия, направленные на возврат просроченной задолженности» однозначно указывает на целенаправленный характер деятельности. Если насилие или угрозы применяются коллектором не для возврата долга, а, например, из личной неприязни или хулиганских побуждений, квалификация по ст. 172⁴ УК РФ исключается.

Правильная квалификация деяний по ст. 172⁴ УК РФ невозможна без четкого отграничения от смежных составов преступлений. Это центральная проблема правоприменения, обусловленная схожестью объективной стороны (угрозы, насилие) в разных статьях УК РФ.

До введения ст. 172⁴ УК РФ действия «черных коллекторов» чаще всего квалифицировались как вымогательство. Однако между этими составами есть ключевое различие.

Оно заключается в предмете посягательства. При вымогательстве требование виновного является незаконным: он претендует на чужое имущество, на которое не имеет прав. В контексте же ст. 172⁴ УК РФ предметом является возврат реально существующей просроченной задолженности. То есть требование о возврате долга само по себе правомерно, противоправными являются лишь способы его взыскания.

В научной литературе подчеркивается, что, если коллектор требует вернуть сумму, значительно превышающую реальный долг (придуманные штрафы, «счетчик»), его умысел направлен на незаконное обогащение. В этой части деяние выходит за рамки ст. 172⁴ УК РФ и должно квалифицироваться как вымогательство.

Конкуренция ст. 172⁴ и ст. 330 УК РФ решается по правилам соотношения специальной и общей норм. Самоуправство предполагает самовольное совершение действий, правомерность которых оспаривается организацией или гражданином. В ситуациях с возвратом кредитов сам факт наличия долга (обязанность вернуть деньги), как правило, должником не оспаривается. Оспариваются лишь неправомерные методы взыскания. Следовательно, цель виновного заключается не в утверждении оспариваемого права (как в самоуправстве), а в принуждении к исполнению бесспорного обязательства.

Кроме того, ст. 172⁴ УК РФ является специальной нормой. При наличии признаков специального субъекта и цели возврата долга применение ст. 330 УК РФ избыточно. Также важно, что состав ст. 172⁴ УК РФ является формальным и не требует наступления последствий в виде «существенного вреда», необходимого для ст. 330 УК РФ.

В научной литературе поднимается вопрос о соотношении ст. 172⁴ и ст. 179 УК РФ. Отмечается, что ст. 179 УК РФ предполагает принуждение к заключению сделки или отказу от нее. В случае с возвратом долга сделка (кредитный договор) уже заключена, и требование касается ее исполнения. Однако автор указывает на коллизию: возврат долга

юридически тоже может оцениваться как сделка в понимании ст. 153 ГК РФ. Тем не менее, ст. 172⁴ УК РФ является специальной нормой по отношению к ст. 179 УК РФ и имеет приоритет при квалификации¹.

Анализ санкций, предусмотренных ст. 172⁴ УК РФ, позволяет выявить отдельные противоречия юридического характера. Соотношение санкций показывает, что в некоторых случаях профессиональные участники рынка взыскания (специальные субъекты по ст. 172⁴ УК РФ) несут менее строгую ответственность, чем субъекты общеуголовных преступлений, совершающие схожие деяния. К примеру, совершение преступления организованной группой по п. «а» ч. 3 ст. 163 УК РФ (вымогательство) наказывается лишением свободы на срок до 15 лет. Аналогичное деяние, совершенное организованной группой, но уже в рамках неправомерного истребования реального долга (п. «а» ч. 3 ст. 172⁴ УК РФ), влечет наказание лишь до 10 лет лишения свободы². Таким образом, введение специальной нормы парадоксальным образом смягчило положение «организованных» неправомерных требований по сравнению с вымогателями, что вряд ли соответствовало целям законодателя, декларировавшего усиление защиты граждан.

Н.Ю. Скрипченко также обращает внимание еще на одну непоследовательность законодательного изложения правовой нормы в части отсутствия унификации в критериях крупного и особо крупного размера. В преступлениях против собственности (глава 21 УК РФ) крупный размер – свыше 250 тыс. руб. В ст. 172⁴ УК РФ (глава 22 УК РФ) крупный размер определяется согласно примечанию к ст. 170² УК РФ и составляет свыше 2 млн 250 тыс. руб. Это создает ситуацию, когда угрозы при вымогательстве 300 тысяч рублей влекут квалифицированную ответственность, а аналогичные угрозы при взыскании такой же суммы долга коллектором нет, т. к. вменяется только ч. 1 ст. 172⁴ УК РФ³.

Перспективы применения анализируемой нормы напрямую зависят от преодоления инерции правоприменительной системы. На сегодняшний день судебная практика по ст. 172⁴ УК РФ фактически отсутствует (1 вынесенный приговор за два года), а количество возбужденных дел исчисляется единицами, причем значительная их часть приостанавливается из-за неустановления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого. Вероятно, в ближайшие годы практика будет формироваться сложно и противоречиво.

Ключевой сложностью, способной снизить эффективное применение новой статьи, является конструкция специального субъекта и необходимость доказывания его связи с кредитной организацией. Казуистичное и перегруженное деталями описание субъекта в диспозиции ст. 172⁴ УК РФ создает потенциальные трудности в процессе доказывания (например, что конкретный звонящий с «левой» сим-карты действовал именно «в интересах кредитора», а не по собственной инициативе).

Закключение. Проведенное исследование состава преступления, предусмотренного статьей 172⁴ УК РФ, и практики его применения позволяет констатировать, что криминализация незаконной деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц стала вынужденной и необходимой мерой реагирования государства на рост закредитованности населения и сопутствующую эскалацию неправомерных методов взыскания. Введение специальной нормы завершило формирование системы правовой охраны заемщиков, однако ее эффективность снижается из-за отдельных дефектов

¹ Коренная А.А. Указ. соч. С.121.

² Скрипченко Н. Ю. Незаконное осуществление деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц: адекватность нормативной оценки степени опасности // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. 2024. № 4. С. 81.

³ Там же.

юридической техники. Конструкция объективной стороны содержит существенный пробел: указание на распространение только «заведомо ложных сведений» фактически декриминализует шантаж должника распространением правдивой, но позорящей информации. Для устранения этого недостатка предлагается исключить из диспозиции ч. 1 ст. 172⁴ УК РФ признак заведомой ложности, сформулировав норму по аналогии со ст. 163 УК РФ («сведений, позорящих потерпевшего или его близких»).

Список используемой литературы

1. Дайшутов М.М., Чугунов А.А. Объективные и субъективные признаки незаконного осуществления деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 5. С. 48–55. DOI: 10.24412/2073-0454-2024-5-48-55 EDN: ATADIN.
2. Коренная А.А. Дискуссионные вопросы уголовной ответственности за незаконное осуществление деятельности по возврату просроченной задолженности (статья 172.4 УК РФ) // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2024. № 4 (106). С. 119–126. EDN: ITFCHL.
3. Никитин К.И. Социально-правовая обусловленность криминализации незаконного осуществления деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 556–559. DOI: 10.47643/1815-1337_2024_9_556 EDN: PUSJFV.
4. Осипов В.А., Туманов А.С. Разграничение незаконного осуществления деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц со смежными составами преступлений // Проблемы противодействия преступлениям в сфере экономической деятельности в странах ЕАЭС и СНГ (памяти профессора Н. И. Загородникова) (к 50-летию образования Московской высшей школы милиции МВД СССР): Международная научно-практическая конференция, 15–16 мая 2025 г. : сборник научных трудов / [сост. Л.А. Русскевич]. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2025. 285 с.
5. Скрипченко Н.Ю. Незаконное осуществление деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц: адекватность нормативной оценки степени опасности // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. 2024. № 4. С. 77–83.
6. Цой Л.В. Уголовная ответственность за незаконное осуществление деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц // Ученые записки Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 2023. № 2 (23). С. 51–53. EDN: NWFPDW.

References

1. Daishutov M.M., Chugunov A.A. Objective and Subjective Signs of Illegal Activities to Collect Overdue Debt from Individuals // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 5. pp. 48–55. DOI: 10.24412/2073-0454-2024-5-48-55 EDN: ATADIN.
2. Korennaya A.A. Controversial Issues of Criminal Liability for Illegal Activities to Collect Overdue Debt (Article 172.4 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 4 (106). pp. 119–126. EDN: ITFCHL.
3. Nikitin K.I. Social and legal determination of criminalization of illegal activity on collection of overdue debts of individuals // Law and state: theory and practice. 2024. No. 9(237). Pp. 556–559. DOI: 10.47643/1815-1337_2024_9_556 EDN: PUSJFV.
4. Osipov V.A., Tumanov A.S. Distinction between illegal activity on collection of overdue debts of individuals and related crimes // Problems of combating crimes in the sphere of economic activity in the countries of the EAEU and the CIS (in memory of Professor N.I. Zagorodnikov) (on the 50th anniversary of the foundation of the Moscow Higher School of Police of the USSR Ministry of Internal Affairs): International scientific and practical conference, May 15–16, 2025: collection of scientific papers / [compiled by L.A. Russkevich]. M.: Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2025. 285 p.

5. Skripchenko N.Yu. Illegal Collection of Overdue Debts of Individuals: Adequacy of the Regulatory Assessment of the Degree of Danger // Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. 2024. No. 4. pp. 77–83.

6. Tsoi L.V. Criminal Liability for Illegal Collection of Overdue Debts of Individuals // Scientific Notes of the Altai Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 2023. No. 2 (23). pp. 51–53. EDN: NWFPDW.10. Pinchuk A.P. Formation of the Operational-Investigative Law Branch: Historical Aspect // Skif. 2020. No. 12 (52). Pp. 307–313. EDN: CXURDF

11. Rogatykh L.F., Strelchenko E.G., Toporov S.B. Combating Smuggling of Narcotic Drugs, Psychotropic and Potent Substances / Under the general editorship of A. V. Savelyev. Saint Petersburg, 2003. ISBN: 5-263-00222-X EDN: QVXKPT

12. Khomchenko T.E. The World Customs Organization in the System of International Customs Administration // Young Scientist. 2015. No. 24 (104). P. 607–610. EDN: VDFRDZ.

Кокорев Евгений Викторович

старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета Академии ФСИН России, кандидат юридических наук

Москва
Российская Федерация

Evgeniy V. Kokorev

Senior Lecturer of the Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts Department of Academy of the FPS of Russia, Candidate of Sciences in Law

Moscow
Russian Federation

✉ evg.kokoreff2010@yandex.ru

SPIN-код (РИНЦ) 8292-3828

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8586-0274>

УДК: 343.291:343.9

Обстоятельства, препятствующие раскрытию преступлений прошлых лет

Circumstances preventing the disclosure crimes of the past years

Аннотация. Актуальность. Настоящая статья посвящена рассмотрению факторов, оказывающих влияние на эффективность раскрытия преступлений прошлых лет. Данное направление деятельности является одним из ключевых в сфере противодействия преступности. Тем не менее, из года в год происходит планомерное увеличение общего остатка приостановленных уголовных дел, по которым виновные лица остаются неизвестными. Этому способствует наличие определенных обстоятельств объективного и субъективного характера, связанных с недостатками работы правоохранительных органов.

Проведенный анализ научной литературы, изучение статистических данных и полученные результаты эмпирического исследования позволили автору выделить ряд факторов общего и специального характера, оказывающих негативное влияние на процесс выявления и раскрытия преступлений прошлых лет в уголовно-исполнительной системе.

Цель исследования заключается в установлении обстоятельств, препятствующих раскрытию преступлений прошлых лет оперативными подразделениями учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, и их последующей классификации.

Выводы. Изучение, анализ и систематизация обстоятельств, оказывающих негативное влияние на процесс раскрытия преступлений прошлых лет, позволит заинтересованным сотрудникам избегать ранее допущенных ошибок и недостатков в работе, а также организовать следственную и оперативно-розыскную деятельность по приостановленным уголовным делам с учетом накопленного опыта решения существующих проблем.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, уголовно-исполнительная система, раскрытие преступлений, факторы, преступления прошлых лет.

Abstract. Relevance. This article is devoted to the consideration of factors influencing the effectiveness of solving crimes of the past years. This is direction of activity is one of the key areas in the field of crime prevention. From year to year, there is a steady increase in the total balance of suspended criminal cases, in which the criminals remain unknown. This is contribute by circumstances of an objective and subjective nature, which are associated with shortcomings in the work of law enforcement agencies.

The analysis of scientific literature, the study of statistical data and the results of empirical research have made it possible to identify a number of factors of a general and special nature that have a negative impact on the process of detecting and solving crimes of previous years in the penal system.

The purpose of the study is to establish the circumstances that prevent the disclosure crimes of the past years by operational units of the penal system, and their subsequent classification.

Conclusions. The study, analysis and systematization of circumstances that have a negative impact on the process of solving crimes of the past years will allow interested departments to avoid previously made mistakes in their work, as well as organize investigative and operational search activities in suspended criminal cases, taking into account the based on the problem solving experience.

Keywords: operational and investigative activities, penal system, crime detection, factors, crimes of the past years.

Для цитирования: Кокорев Е.В. Обстоятельства, препятствующие раскрытию преступлений прошлых лет // Научные исследования преступления и наказания. № 4. 2025. С. 47–55.

For citation: Evgeniy V. Kokorev Circumstances preventing the disclosure crimes of the past years // Scientific Crime and Punishment Research Journal. No 4. 2025. P. 47–55.

Введение. В настоящее время раскрытие преступлений прошлых лет относится к числу приоритетных направлений деятельности правоохранительных органов. Несмотря на предпринимаемые усилия, ежегодно значительное число преступных деяний остаются нераскрытыми и со временем переходят в категорию «прошлых лет». При этом в полной мере не реализуется принцип неотвратимости наказания, что сказывается на устойчивости государственных и общественных отношений, защите нарушенных прав. Анализ официальных статистических данных показывает, что с 2017 по 2024 годы число нераскрытых преступлений увеличилось с 886,8 тыс. в 2017 году до 929,7 тыс. в 2024 году (+ 4,8 %). Преступлений прошлых лет за аналогичный период времени раскрыто на 19,9 % меньше (2017 год – 51,2 тыс. / 2024 год – 41,0 тыс.). Всего за прошедшие 8 лет виновные были установлены лишь по 372,4 тыс. (4,4 %) подобных уголовным делам, что в 23 раза меньше уровня текущей раскрываемости (8,523 млн.)¹.

В 2025 году ситуация существенно не изменилась. Так, за первые 9 месяцев из 1 356,5 тыс. зарегистрированных преступлений остались нераскрытыми 604,2 тыс., 563,7 тыс. – в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого. Преступлений прошлых лет раскрыто на 13,2 % меньше (30,6 тыс.), чем за аналогичный период прошлого года². На наш взгляд, большая часть нераскрытых общественно опасных деяний уже в скором времени войдет в состав многомиллионного остатка преступлений прошлых лет.

Обсуждение и результаты. В сложившихся условиях требуется активизация деятельности заинтересованных подразделений, направленная на повышение уровня раскрываемости преступлений прошлых лет. Одним из способов достижения поставленной цели может стать переосмысление причин и условий, оказывающих негативное влияние на следственную и оперативно-розыскную практику. Их комплексное изучение и анализ позволят избежать ранее допущенных ошибок и недостатков в работе, что положительным образом скажется на достигнутых результатах.

Не смотря на значительные меры, предпринимаемые органами дознания и следствия, оперативными подразделениями, существуют определенные упущения в их

¹ Состояние преступности в Российской Федерации // Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 05.11.2025).

² Состояние преступности в Российской Федерации // Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/72174303/> (дата обращения: 05.11.2025).

© Кокорев Е.В.

деятельности, вызванные различными обстоятельствами (факторами) как объективного, так и субъективного характера. Их влияние на процесс раскрытия преступлений прошлых лет в своих работах рассматривали многие авторы советского и современного периодов. Одним из первых, кто обратил внимание на данную проблему, был В.П. Лавров. Он выделял следующие факторы¹:

- меры, проводимые в целях раскрытия преступления следователем или оперативными подразделениями. Если такая работа осуществлялась поверхностно, с определенными ошибками и недостатками, то дальнейший ход расследования существенно осложняется;

- наличие объективных факторов, затрудняющих раскрытие: отсутствие очевидцев, предварительной связи между преступником и потерпевшим, сокрытие следов, обнаружение преступления спустя длительное время и т. д.;

- следующим обстоятельством, оказывающим существенное влияние на эффективность раскрытия преступлений прошлых лет, является фактор времени. При организации работы по приостановленным уголовным делам следует учитывать, что с момента совершения преступного деяния могут проходить месяцы, годы. С течением времени происходят существенные изменения в обстановке места происшествия, которые затрудняют сбор необходимой информации. Изменяется личность преступника, уничтожаются следы, приходят в негодность вещественные доказательства, стираются в памяти людей обстоятельства произошедшего. Однако фактор времени может оказывать и положительное влияние на раскрытие, способствуя установлению истины. Притупляется бдительность преступников, теряется осторожность. Они могут проговориться о содеянном, приступить к реализации похищенного, совершить новые преступления, что в конечном итоге приведет к их разоблачению;

- еще одним фактором, влияющим на особенности раскрытия, является психологический. Как следователь, так и оперативный сотрудник, участвующие в такой работе с начального этапа до момента приостановления дела, могут субъективно считать, что все возможные меры ими предприняты и преступление уже не раскрыть. В таком случае важен иной подход к оценке полученных данных, поиск дополнительной информации, привлечение новых сотрудников, у которых еще отсутствует непосредственное восприятие хода расследования и результатов проведенных следственных действий.

Э.И. Бордиловский обращает внимание на следующие объективные и субъективные факторы²:

- несвоевременное обнаружение фактов совершения отдельных преступлений из-за запоздалого поступления информации об этом;

- уничтожение, исчезновение доказательств в силу определенных природных (погодных) условий;

- недостаточный уровень развития оперативно-криминалистических знаний;

- преступный опыт лиц, совершающих преступления, квалифицированность мер, предпринимаемых ими для сокрытия следов своего участия в нем.

При этом факторы субъективного характера он считает наиболее значимыми. В их числе:

¹ Лавров В.П. Особенности расследования нераскрытых преступлений прошлых лет. М. 1972. С. 9–14.

² Бордиловский Э.И. Раскрытие неочевидных преступлений. (Организация и тактика) : учеб. пособие. М., 1991. С. 74–76.

© Кокорев Е.В.

- медлительность сотрудников при принятии мер по преследованию и задержанию преступников (поздний выезд на место происшествия следственно-оперативных групп, отсутствие информации у подразделений, расположенных на путях возможного передвижения преступников, несвоевременная проверка по учетам обнаруженных следов и предметов);
- неквалифицированное проведение первоначальных следственных действий (поверхностный осмотр места происшествия, недостаточное использование служебных собак, отсутствие лиц, подлежащих допросу, несвоевременное направление изъятых с места происшествия следов для исследования);
- поручение раскрытия преступления лицам, имеющими недостаточный опыт работы по делам определенной категории;
- неправильное выдвижение версий о лицах, которые могут быть причастными к совершению преступлений (версии выдвигаются без полного и всестороннего учета данных, полученных в ходе первоначальных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий);
- слабый контроль за работой по раскрытию преступлений со стороны руководителей аппаратов уголовного розыска и следственных подразделений;
- отсутствие должного взаимодействия между различными службами органов внутренних дел.

В настоящее время вопросы, связанные с эффективностью раскрытия преступлений прошлых лет, также не остаются без внимания авторов.

М.П. Клейменов, И.М. Клейменов, подробно рассматривая детерминанты нераскрытой преступности¹, приходят к выводу, что их изучение должно осуществляться на основе системного подхода. Нераскрытая преступность, по их мнению, является ничем иным как «системным сбоем» в работе правоохранительных органов. При этом они выделяют сразу несколько факторов, связанных с противоправной деятельностью самих правоохранителей, которые, пытаясь увеличить показатели раскрываемости, занимаются фальсификацией статистических данных. Это выражается в необоснованном отказе в возбуждении уголовного дела или его прекращении, применении психологического насилия к потерпевшим, подозреваемым (обвиняемым).

Также они указывают на равнодушие сотрудников оперативно-следственных подразделений к судьбе нераскрытых преступлений, несовершенство критериев оценки их деятельности, отсутствие специалистов, занимающихся этим направлением, отсутствие времени, приоритет раскрытия текущих преступлений, рост «профессионализма» преступников, оказание противодействия расследованию.

Л.Е. Щетнев и М.Р. Гамбарчаев, анализируя причины и условия, оказывающие влияние на эффективность раскрытия преступлений прошлых лет, помимо «традиционных» объективных (неблагоприятные погодные условия, естественное уничтожение следов, противодействие со стороны преступников и т.д.) и субъективных (недостатки и ошибки, допущенные сотрудниками правоохранительных органов в ходе расследования уголовных дел) факторов, обращают внимание на необходимость изучения и иных обстоятельств, определяющих отличительные признаки конкретного преступного деяния (категорию, способ совершения, мотив, личность потерпевшего, территориальность и др.). Подводя итог своим размышлениям, они предлагают

¹ Клейменов М.П., Клейменов И.М. Нераскрытая преступность : монография. М., 2023. С. 103–125.

осуществлять выбор методики раскрытия того или иного преступления прошлых лет на основе вышеперечисленных факторов¹.

С.В. Харченко, С.И. Гирько, А.П. Скиба, исходя из многофакторного подхода, также разделяют факторы на объективные и субъективные, что отражает характер управленческого и организационного воздействия на деятельность оперативных сотрудников, следователей и иных участников раскрытия преступлений, совершенных в прошлые годы.

К объективным факторам они относят: совершение преступления в условиях неочевидности; тщательную подготовку и сокрытие следов; отсутствие связи между преступником и потерпевшим; ошибочный анализ исходных данных на стадии возбуждения уголовного дела; изменение или утрату информации по прошествии времени и др.

Среди субъективных факторов выделяют ошибки, субъективизм и иные недостатки деятельности участников раскрытия преступлений, в частности: отсутствие должного взаимодействия; недостатки планирования; ограниченные возможности экспертно-криминалистических подразделений; неэффективное использование информации из имеющихся баз данных; безынициативность; узкий круг выдвигаемых версий; неумение применять эффективные тактические приемы и комплексы. При этом они обращают внимание на то, что при оценке как отдельных факторов, так и всей совокупности следует учитывать их содержательную сторону, механизм воздействия, непосредственный или опосредствованный характер, длительность и масштабы действия»².

Следует учитывать и иностранный опыт работы по данному направлению деятельности. Например, Н.М. Самиев в своем исследовании³ указывает, что не смотря на определенное сходство причин и условий, влияющих на процесс раскрытия преступлений прошлых лет в Российской Федерации и Республике Таджикистан, существующая там система факторов имеет свои особенности, обусловленные определенными различиями в правовой регламентации, экономическом и политическом уровне развития общества, уровне оказания противодействия расследованию, исторически сложившимся менталитетом таджикского народа.

Среди таких факторов он выделяет специфические приемы, связанные с религиозными догматами, традициями, обычаями (требование быстрого захоронения тела убитого; воспрепятствование вскрытию трупов при проведении судебно-медицинских экспертиз и освидетельствованию живых лиц; косвенный запрет на дачу показаний свидетелям и потерпевшим; круговая порука «омерта»).

Д.А. Романюк важное значение уделяет установлению и анализу пространственных связей между элементами структуры преступления. По его мнению, пространственная связь образует самостоятельный фактор, влияющий на раскрытие и расследование преступлений прошлых лет. Каждый структурный элемент отражает признаки остальных взаимодействующих сторон, тем самым проявляя себя через систему материальных и идеальных следов. Учет влияния фактора пространственной связи при раскрытии преступлений прошлых лет позволяет иметь более полное представление об источниках

¹ Щетнев Л.Е., Гамбарчаев М.Р. К вопросам о методике раскрытия и расследования преступлений прошлых лет // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2024. № 1(19). С. 87–93.

² Харченко С.В., Гирько С.И., Скиба А.П. Преступления, совершенные в прошлые годы: некоторые факторы, влияющие на их раскрытие // Военное право. 2025. № 3 (91). С. 188–191.

³ Самиев Н.М. Расследование нераскрытых преступлений прошлых лет (по материалам Республики Таджикистан и Российской Федерации) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 33 с.

© Кокорев Е.В.

доказательственной, ориентирующей и вспомогательной криминалистически значимой информации, что способствует восполнению пробелов (дефектов) расследования¹.

Интерес вызывает выделенный им документарный фактор, сущность которого раскрывается через содержание процессуальных документов. Криминалистически значимая информация, нашедшая свое материальное отображение в материалах приостановленного уголовного дела, выступает в качестве документарной. Она фиксируется в процессуальных документах и оказывает влияние на процесс восприятия исходных данных, которые могут быть неверно интерпретированы следователем. В итоге объем и значение информации в документарном виде может не соответствовать ее содержанию в документированной форме, что оказывает влияние на эффективность раскрытия преступлений прошлых лет².

Авторы, рассматривая влияние различных факторов на эффективность деятельности оперативных работников органов внутренних дел, дознавателей, следователей, практически оставили без внимания оперативные подразделения учреждений и органов уголовно-исполнительной системы (далее – УИС). А ведь в следственных изоляторах и исправительных учреждениях содержится значительное число лиц, которых обосновано можно подозревать в совершении преступлений прошлых лет. В этом плане проведенное нами исследование (анкетирование действующих сотрудников оперативных подразделений учреждений и органов УИС из 44 субъектов Российской Федерации) позволило выделить основные проблемы, оказывающие негативное влияние на деятельность по выявлению и раскрытию преступлений прошлых лет.

К ним относятся: незаинтересованность в раскрытии преступлений такой категории (12,3 %), текущая загруженность и нехватка времени на проведение качественной работы по приостановленным уголовным делам (87,7 %), нехватка опыта в данном направлении деятельности (19,1 %), плохо организованное взаимодействие между правоохранительными органами (17,9 %), сложность установления лиц, причастных к совершению преступлений прошлых лет, обусловленная фактором времени, уничтожением доказательств, скрытым поведением преступников (33,3 %), отсутствие научно обоснованной методики организации работы (5,6 %), слабый ведомственный контроль за этой деятельностью (3,1 %), недостаточные меры морального и материального стимулирования оперативных сотрудников, раскрывших преступления прошлых лет, в том числе тяжкие и особо тяжкие, вызвавшие большой общественный резонанс (12,3 %)*.

Следует отметить, что деятельность оперативных подразделений учреждений и органов УИС по выявлению и раскрытию преступлений прошлых лет несколько отличается от подобной работы органов внутренних дел и Следственного комитета Российской Федерации (далее – СК РФ). Это обусловлено спецификой условий, затрудняющих проведение оперативно-розыскных мероприятий в отношении лиц, находящихся в следственных изоляторах и исправительных учреждениях (высокая концентрация на ограниченном пространстве лиц, совершивших преступления; состояние оперативной обстановки; наличие криминальной субкультуры и строгой иерархии

¹ Романюк Д.А. Фактор пространственной связи: понятие и значение в теории и практике раскрытия и расследования преступлений прошлых лет // Сацыяльна-эканамічныя і правыя даследаванні. 2021. № 1(63). С. 17–22.

² Романюк Д.А. Документарный фактор как результат ранее проведенного расследования и его влияние на раскрытие и расследование преступлений прошлых лет // Юстиция Беларуси. 2021. № 1(226). С. 58–63; Першин А.Н., Романюк Д.А. Документарный подход к расследованию нераскрытых преступлений прошлых лет // Российский следователь. 2023. № 4. С. 10–15.

*В сумме более 100 %, так как респондентам была предоставлена возможность выбрать несколько вариантов ответа.

© Кокорев Е.В.

преступного мира; противодействие со стороны лидеров и авторитетов уголовно-преступной среды; время на выявление и раскрытие преступлений прошлых лет ограничено не только сроками давности привлечения к уголовной ответственности, но и сроком нахождения в изоляции; трудности проведения необходимых мероприятий, вызванные режимными требованиями, условиями отбывания наказания, и др.)¹

Таким образом, анализ научной литературы, статистической отчетности и результатов анкетирования сотрудников оперативных подразделений учреждений и органов УИС позволили нам выделить ряд факторов общего и специального характера, оказывающих негативное влияние на процесс выявления и раскрытия преступлений прошлых лет.

К общим факторам (в целом оказывают влияние на деятельность оперативных подразделений) следует отнести:

- текущую загруженность субъектов оперативно-розыскной деятельности, отсутствие времени для планомерной и тщательной работы. Помимо непосредственных обязанностей, сотрудникам оперативных подразделений часто приходится исполнять не свойственные им функции;
- низкий уровень правовой и криминалистической подготовки;
- ухудшение криминогенного состава спецконтингента, развитие форм и методов оказания противодействия;
- отсутствие должного контроля за деятельностью оперативных подразделений со стороны руководителей учреждений и органов УИС.

Среди специальных факторов (оказывают непосредственное влияние на процесс выявления и раскрытия преступлений прошлых лет) следует выделить:

- недооценку значимости проблемы нераскрытых преступлений прошлых лет. Данные, полученные нами в ходе анкетирования сотрудников оперативных подразделений, говорят о том, что практически каждый второй опрошенный (41,3 %) считает, что это приоритетное направление деятельности СК РФ и МВД РФ;
- отсутствие заинтересованности в указанном виде деятельности. Существующая система оценки не учитывает такой показатель, как «количество преступлений прошлых лет, раскрытых самостоятельно и (или) в раскрытии которых оказано содействие правоохранительным органам», что сказывается на мотивации сотрудников;
- недостатки взаимодействия с правоохранительными органами, в частности, несвоевременный обмен информацией, неиспользование в полной мере возможностей криминалистических учетов, слабая организация работы по выполнению поручений следователя (формальное отношение, несоблюдение сроков исполнения документов, неполнота предоставляемых сведений, отсутствие должного контроля со стороны руководителей подразделений) и др.;
- привлечение малого числа сотрудников оперативных подразделений УИС к работе аналитических групп СК РФ по раскрытию преступлений прошлых лет (74,7 % опрошенных не привлекались к работе аналитических групп по раскрытию преступлений прошлых лет, созданных при следственных управлениях СК РФ по субъектам);
- недостаточное ведомственное правовое регулирование процесса выявления и раскрытия преступлений прошлых лет. Так, 51,9 % респондентов считают, что соответствующая задача нуждается в нормативно-правовом закреплении.

¹ Кокорев Е.В. Роль оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы в раскрытии преступлений прошлых лет // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2024. № 6 (104). С. 134–135.

Выводы. Сегодняшние реалии требуют от правоохранительных органов своевременного и точечного реагирования на изменения, происходящие в обществе, в том числе в сфере противодействия преступности. Пренебрежение накопленным опытом преодоления существующих проблем может привести к необоснованности и несвоевременности принятия тех или иных решений, негативно отразиться на показателях работы.

Рассмотренные в настоящей публикации обстоятельства, препятствующие раскрытию преступлений прошлых лет, не являются исчерпывающими. В зависимости от складывающихся условий, конкретной следственной ситуации они могут изменяться, трансформироваться. При этом важно правильно определять связь их негативного влияния на итоговые результаты.

На наш взгляд, подробное изучение и анализ указанных факторов позволит заинтересованным подразделениям избегать в будущем существенных ошибок и недостатков в своей деятельности по установлению и изобличению лиц, виновных в совершении преступлений прошлых лет.

Список используемой литературы

1. Бордиловский Э.И. Раскрытие неочевидных преступлений. (Организация и тактика) : учеб. пособие / под. ред. А. А. Чувилева. М., 1991. 87 с.
2. Клейменов М.П., Клейменов И.М. Нераскрытая преступность : монография. М. : Норма : ИНФРА-М, 2023. 208 с. ISBN 978-5-91768-592-2.
3. Кокорев Е.В. Роль оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы в раскрытии преступлений прошлых лет // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2024. № 6 (104). С. 133–140. EDN: KPRZQF.
4. Лавров В.П. Особенности расследования нераскрытых преступлений прошлых лет. М., 1972. 88 с.
5. Першин А.Н., Романюк Д.А. Документарный подход к расследованию нераскрытых преступлений прошлых лет // Российский следователь. 2023. № 4. С. 10–15. DOI: 10.18572/1812-3783-2023-4-10-15. EDN: JFOIXH.
6. Романюк Д.А. Документарный фактор как результат ранее проведенного расследования и его влияние на раскрытие и расследование преступлений прошлых лет // Юстиция Беларуси. 2021. № 1(226). С. 58–63. EDN: EVCWDF.
7. Романюк Д.А. Фактор пространственной связи: понятие и значение в теории и практике раскрытия и расследования преступлений прошлых лет // Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. 2021. № 1(63). С. 17–22. EDN: EORBDI.
8. Самиев Н.М. Расследование нераскрытых преступлений прошлых лет (по материалам Республики Таджикистан и Российской Федерации) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12. М., 2017. 33 с.
9. Харченко С.В., Гирько С.И., Скиба А.П. Преступления, совершенные в прошлые годы: некоторые факторы, влияющие на их раскрытие // Военное право. 2025. № 3(91). С. 186–193. EDN: KOGGVZ.
10. Щетнев Л.Е., Гамбарчаев М.Р. К вопросам о методике раскрытия и расследования преступлений прошлых лет // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2024. № 1(19). С. 87–93. EDN: FLUDHF.

Reference

1. Bordilovsky E.I. Disclosure of non-obvious crimes. (Organization and tactics) : teaching manual / edited by A. A. Chuvilev, Moscow, 1991. 87 p.
2. Kleimenov M. P., Kleimenov I. M. Unsolved crime : monograph. M. : Norm : INFRA-M, 2023. 208 p. ISBN 978-5-91768-592-2.

3. Kokorev E.V. The role of operational units of the penal system in solving crimes of the past years // Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2024. No. 6(104). pp. 133–140. EDN: KPRZQF.
4. Lavrov V.P. Features of the investigation of unsolved crimes of the past years. M., 1972. 88 p.
5. Pershin A.N., Romanyuk D. A. Documentary approach to the investigation of unsolved crimes of the past years // Russian investigator. 2023. No. 4. pp. 10–15. DOI: 10.18572/1812-3783-2023-4-10-15. EDN: JFOIXH.
6. Romanyuk D.A. The documentary factor as a result of an earlier investigation and its impact on the disclosure and investigation of crimes of the past years // Justice of Belarus. 2021. No. 1(226). pp. 58–63. EDN: EVCWDF.
7. Romanyuk D.A. Spatial communication factor: concept and meaning in theory and practice of disclosure and investigation of crimes of the past years // Socio-economic and legal studies. 2021. No. 1(63). pp. 17–22. EDN: EORBDI.
8. Samiev N.M. Investigation of unsolved crimes of the past years (based on the materials of the Republic of Tajikistan and the Russian Federation) : abstract of the dissertation. ... kand. jurid. sciences : 12.00.12 / Samiev Nazar Muradovich, M., 2017. 33 p.
9. Kharchenko S.V., Girko S. I., Skiba A. P. Crimes committed in the past years: some factors influencing their disclosure // Military law. 2025. No. 3(91). pp. 186–193. EDN: KOGDVZ.
10. Shchetnev L.E., Gambarchaev M. R. On the methodology of disclosure and investigation of crimes of the past years // Bulletin of the Tomsk Institute for advanced training of employees of the Federal Penal Service of Russia. 2024. No. 1(19). pp. 87–93. EDN: FLUDHF.

Елена Николаевна Жеребцова

старший научный сотрудник отдела
изучения отечественного и зарубежного
опыта, истории уголовно-исполнительной
системы, сравнительного анализа
пенитенциарного законодательства
ФКУ НИИ ФСИН России

Москва
Российская Федерация

Elena N. Zherebtsova

Senior Researcher, Department of Domestic
and International Experience, History of the
Penitentiary System, and Comparative
Analysis of Penitentiary Legislation of the
Federal State Institution Research Institute of
the Federal Penitentiary Service of Russia

Moscow
Russian Federation

✉ zherebtsova.1994@bk.ru

SPIN-код (ПИНЦ) 2378-2023

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7320-6358>

УДК 345.851

Исполнение норм уголовно-исполнительного права сотрудниками оперативных подразделений в исправительных учреждениях России

Implementation of the norms of criminal-executive law by employees of operational units in correctional institutions of Russia

Аннотация. Актуальность. Реализация норм уголовно-исполнительного права является своего рода базой, необходимой для формирования общественных отношений, возникающих в процессе и в связи с исполнением и отбыванием наказаний. Важная роль в этом отведена сотрудникам оперативных подразделений, которые должны обеспечивать безопасность осужденных и персонала учреждения, выявлять, предупреждать и пресекать готовящиеся и совершаемые в исправительных учреждениях преступления, осуществляя оперативно-розыскную деятельность. Они действуют в соответствии с оперативно-розыскным законодательством, при этом на них в полной мере распространяются все права и обязанности, предусмотренные нормами уголовно-исполнительного права. Подобная дуалистичность фактически вынуждает оперативных сотрудников в своей профессиональной деятельности нередко реализовывать нормы отрасли права, которая прямо её не регулирует. В таких случаях часто идет речь об исполнении норм уголовно-исполнительного права.

Целью статьи является выявление специфических проблем, возникающих в процессе исполнения норм уголовно-исполнительного права, сотрудниками оперативных подразделений, и обоснование того, что первопричиной данных проблем является дуализм их правового статуса, порождающий конфликт между задачами оперативно-розыскной и уголовно-исполнительной деятельности.

Выводы. На основе анализа теоретических форм реализации права установлено, что для оперативных сотрудников исправительного учреждения одной из доминирующих форм является исполнение как активная деятельность по выполнению обязанностей, возложенных нормами Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ). Главной проблемой, препятствующей эффективному исполнению данных норм, является конфликт целей и методов, заложенный в двойственности правового статуса сотрудников. Дальнейшее совершенствование правового регулирования должно быть направлено на создание механизмов согласования норм УИК РФ и федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» для минимизации конфликта в правоприменительной практике.

Ключевые слова: оперативный сотрудник, исправительное учреждение, норма права, реализация права, исполнение норм права, реализация уголовно-исполнительного права.

Abstract. Relevance. This article substantiates the need to transform operational investigative activities in correctional facilities. Based on an analysis of empirical data and materials characterizing the lives

© Жеребцова Е.Н.

of convicts, the author concludes that the existing operational work model, which is primarily focused on responding to emerging threats, is ineffective. It is demonstrated that this approach creates obstacles to achieving the goals of penal legislation.

The purpose of this article is to develop and substantiate proposals for shifting the emphasis of operational investigative activities from reactive to predictive. As a key solution, it is proposed to introduce a new task for operational units into the Criminal Executive Code of the Russian Federation: analyzing and predicting negative processes in the activities of correctional facilities.

Conclusions. Implementation of this proposal will not only improve the effectiveness of crime prevention but also transform operational investigative activities into a strategic tool for ensuring stability and achieving the goals of penal policy.

Key words: operational investigative activities, goals of criminal-executive legislation, convicts, conditions of serving a sentence, correctional institutions, operational-regime situation.

Для цитирования: Жеребцова Е.Н. Исполнение норм уголовно-исполнительного права сотрудниками оперативных подразделений в исправительных учреждениях России // Научные исследования преступления и наказания. № 4. 2025. С. 47–64.

For citation: Elena N. Zhrebtsova Implementation of the norms of criminal-executive law by employees of operational units in correctional institutions of Russia // Scientific Crime and Punishment Research Journal. No 4. 2025. P. 47–64.

Введение. Четкая регламентация прав и обязанностей сотрудников оперативных подразделений исправительных учреждений подкрепляется процедурой их реализации – алгоритмом поведения в определенной ситуации. Сотрудник, исполняя нормы уголовно-исполнительного права, в полной мере способствует укреплению статуса своей службы и подчеркивает ее значимость. Он способен выполнять важные и ответственные задачи в области уголовно-исполнительной системы. Данное подтверждается статистикой. Так, за 2024 год оперативными подразделениями уголовно-исполнительной системы оказано содействие правоохранительным органам в раскрытии свыше 52,5 тыс. преступлений, в том числе около 3,8 тыс. преступлений прошлый лет. В рамках профилактической работы в учреждениях уголовно-исполнительной системы предотвращено более 80 преступлений со стороны подозреваемых, обвиняемых и осужденных. Розыскными подразделениями задержано порядка 21 тыс. осужденных, уклоняющихся от отбывания наказаний, не связанных с лишением свободы.

Научная новизна представленных в статье результатов исследования заключается в выявлении и систематизации специфических трудностей, с которыми сталкиваются оперативные сотрудники исправительных учреждений именно при исполнении обязывающих норм уголовно-исполнительного права как формы их реализации. Это обусловлено дуализмом их правового статуса и задачами оперативно-розыскной деятельности.

Обсуждение и результаты. Если обобщить отдельные проблемы реализации норм уголовно-исполнительного права при осуществлении оперативно-розыскной деятельности, то их можно дифференцировать в зависимости от соответствующей формы. Как известно, в общей теории права таких форм выделяется четыре: применение, соблюдение, использование и исполнение. Данная классификация сформирована на основе характера нормативных правовых предписаний, а также способа осуществления норм в реальной жизни. Так соблюдение является позитивной формой реализации права, которая выражается в соответствии поведения предъявляемым требованиям. Использование права представляет собой реализацию разрешенных субъекту прав в связи с предоставленными ему возможностями. Она сопряжена с творчеством, правовой

© Жеребцова Е.Н.

активностью, инициативностью. Применение норм права – это осуществляемая в специально установленных законом формах государственно-властная деятельность компетентных органов государства, которая заключается в вынесении на основе норм права и фактических обстоятельств индивидуально-конкретных правовых предписаний. В контексте темы нашего исследования представляет интерес исполнение как форма реализации норм права. Для сотрудников оперативного подразделения исправительного учреждения, чья деятельность регламентирована как УИК РФ, так и оперативно-розыскным законодательством и ведомственными нормативными актами, исполнение является доминирующей формой реализации правовых предписаний. Такие лица обязаны совершать конкретные действия, предписанные законом для поддержания режима, профилактики правонарушений и решения других задач, стоящих перед уголовно-исполнительной системой. В теории права под исполнением норм права понимается активное совершение действий, направленных на выполнение юридических обязанностей, возложенных на субъектов обязывающей нормой права. Анализ приведенного понятия позволяет выделить следующие его признаки (элементы) относительно рассматриваемого субъекта права: это, во-первых, направленность на претворение в жизнь юридических обязанностей; во-вторых, зависимость от выполнения осужденными своих обязанностей; и, в-третьих, реализация субъектами правоотношений необходимого правомерного поведения. Рассмотрим каждый из этих признаков более подробно.

1. Исполнение как форма реализации права представляет собой такое поведение оперативных сотрудников, которое направлено на претворение в жизнь юридических обязанностей, в процессе чего осуществляется конкретизация права.

Рассматривая место и роль правовых обязанностей в работе сотрудников оперативных подразделений исправительных учреждений, можно отметить, что в настоящее время они представляют собой особый интерес, в частности, в рамках уголовно-исполнительных правоотношений. Относительно рассматриваемого субъекта исполнение как форма реализации предполагает, что сотрудники осознанно выполняют свои права и обязанности, закрепленные в норме. Их деятельность, как и других государственных органов, основана на безусловном подчинении предписаниям закона. Исполнение ими обязанностей относится к центральной функции в процессе исправления осужденных как одной из основных целей уголовно-исполнительного законодательства. В рамках данных правоотношений обязанности носят воспитательный, стимулирующий и охранительный характер. Собственно, говоря об обязанностях относительно данных правоотношений, можно смело утверждать, что благодаря им оперативные сотрудники обеспечивают реализацию своих полномочий.

В целях более детального изучения рассматриваемого института права предлагается следующая классификация обязанностей сотрудников оперативных подразделений исправительных учреждений (как субъектов).

а) Обязанности сотрудников оперативных подразделений исправительных учреждений в зависимости от объекта исполнения:

- общегражданские обязанности (возлагаются на каждого оперативного сотрудника наравне с другими гражданами Российской Федерации);

- служебные обязанности (возлагаются на оперативного сотрудника как работника ФСИН России);

- специальные обязанности (возлагаются на сотрудника в связи с его профессионально-специфическим статусом, который обусловлен Федеральным законом от 12 июня 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», ст. 84 УИК РФ, другими нормативными актами и занимаемой должностью сотрудника оперативного подразделения).

Стоит сказать, что независимо от реализации своих прав и обязанностей в форме исполнения, за всеми гражданами Российской Федерации сохраняется обязанность реализовывать уголовно-правовые нормы в форме соблюдения. В качестве аналогии можно привести реализацию ст. 21 Конституции Российской Федерации, которая гласит, что «Достоинство личности охраняется государством, ничто не может быть основанием для его умаления. Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию». Это – общегражданская обязанность. Независимо от того, является человек государственным служащим или нет, он обязан следовать данному правилу (соблюдать его).

Следующий пример раскрывает служебные обязанности, которые возлагаются на оперативного сотрудника как сотрудника ФСИН России. Так, УИК РФ закрепляет статьей 84 ряд обязанностей сотрудников оперативных подразделений в исправительном учреждении, среди которых есть обязанность обеспечения личной безопасности осужденных. Предполагается, что они являются главными лицами по реализации данного направления деятельности. Реализуя обеспечение личной безопасности осужденного, они исполняют свою непосредственную служебную обязанность, возлагаемую на них как на сотрудников ФСИН России.

Известно, что основанием для принятия мер по обеспечению личной безопасности в данном случае служит информация, которая, как правило, может поступить как от самого осужденного, так и от сотрудников, осуществляющих надзор за осужденными и других источников, в том числе оперативным путем. Важно отметить, что от каких бы лиц данная информация не поступила, именно сотрудник оперативного подразделения исправительного учреждения обязан ее перепроверить на достоверность (путем гласного или негласного проведения оперативно-розыскных мероприятий). В этом процессе он играет исключительную роль, подтверждая реализацию своих уже специальных обязанностей, которые возлагаются на него в связи с его профессионально-специфическим статусом. Они обладают знанием оперативно-розыскного искусства (тактики, методики, стратегии работы). При этом подтверждается их непосредственное участие в исполнении норм уголовно-исполнительного права.

Важно отметить, что в рамках реализации данной статьи, оперативные сотрудники участвуют в урегулировании инцидентов, а зачастую и в предупреждении преступлений, которые могут произойти, если не принять меры по личной безопасности осужденного. Ему необходимо установить реальную степень (а не вымышленную) грозящей осужденному опасности. В связи с этим, он осуществляет сбор оперативной информации (сведений, полученных в том числе при опросе иных осужденных) о высказываемых в адрес конкретного осужденного угрозах и совершаемых в отношении его противоправных действиях, выяснить финансовые (долговые) обязательства участников инцидента, возможные мотивы личной неприязни и т.п. На основании полученных данных он способен дать реальную оценку сложившейся ситуации, продумать дальнейшую линию поведения. Тактика зависит от конкретно сложившейся ситуации.

Исходя из вышесказанного, можно сделать следующий вывод: так как обеспечение личной безопасности осужденных является по сути одним из самых стабилизирующих факторов деятельности органов ФСИН России и именно оперативные сотрудники являются непосредственными реализаторами данной задачи, то исключительно они осуществляют исполнение этой нормы права. Стоит также отметить, что ежегодно правом на личную безопасность пользуются несколько тысяч осужденных, а значит сотрудники оперативных подразделений на постоянной основе реализуют свои обязанности по данному направлению деятельности.

б) Обязанности сотрудников оперативных подразделений исправительных учреждений в зависимости от способа исполнения возложенных на них обязанностей (прямое, либо возложенное иными лицами).

Когда мы говорим о прямом возложении обязанностей, то имеем в виду обязанности, которые возлагаются на оперативного сотрудника непосредственно законодателем. Стоит проанализировать исполнение возложенных на них обязанностей иными лицами. Так, согласно статье 171 УИК РФ сотрудник оперативного подразделения исправительного учреждения вправе вынести официальное предостережение в отношении осужденного о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения.

Например, в случае, если осужденный путем использования средств мобильной связи (смс сообщений), пытается найти человека, который пронесет в исправительное учреждение запрещенный предмет (наркотические вещества), оперативными сотрудниками берется объяснение с данного осужденного, осуществляется сбор необходимых документов для направления информации в полицию. Полиция может вынести отказ в возбуждении уголовного дела из-за того, что недостаточно доказательств.

На основании этого отказного материала сотрудник оперативного подразделения и выносит официальное предостережение. Один экземпляр установленной формы и согласованный с начальником исправительного учреждения вручается осужденному, второй же экземпляр хранится в личном деле нарушителя. Получается, что оперативный сотрудник выступает в роли субъекта, который предостерегает лицо, совершившее противоправное действие (или которое намеревается его совершить), о том, что в случае продолжения данных действий ему может грозить реальное наказание. Можно говорить о том, что исполнение обязанностей оперативными сотрудниками зависит и от иных лиц, в данном случае от результата работы сотрудников МВД.

Для возникновения и реализации некоторых обязанностей сотрудников исправительных учреждений, предусмотренных нормами уголовно-исполнительного права, необходимы акты применения права либо конкретные распоряжения администрации исправительного учреждения. Например, для реализации обязанности оперативного сотрудника являться членом комиссии по изменению вида исправительного учреждения (п. 1 ст. 78 УИК РФ) необходимо распоряжение. Данный случай показывает, что обязанность реализации рассматриваемыми лицами задач наступает с принятием соответствующего документа.

в) Обязанности сотрудников оперативных подразделений исправительных учреждений в зависимости от субъекта права, в отношении которого исполняются обязанности (гражданские лица, сотрудники, осужденные, органы государственной власти).

Так, большинство обязанностей оперативный сотрудник исправительного учреждения выполняет в отношении осужденного (как субъекта права). Известно, что прием осужденных к лишению свободы в исправительном учреждении осуществляется комиссионно, с обязательным присутствием оперативного работника. Получается, что ст. 79 УИК РФ закрепляет необходимость участия рассматриваемого нами субъекта права в данном мероприятии. Также оперативный сотрудник входит в комиссию по установлению осужденного злостным нарушителем. Такая мера предусмотрена ст. 116 УИК РФ.

г) Обязанности сотрудников оперативных подразделений исправительных учреждений в зависимости от природы, требуемой исполнения обязанности (нравственная, правовая).

Обязанность сотрудника оперативного подразделения исправительного учреждения подразумевает должное поведение, которым его наделило государство в

соответствии с должностными полномочиями, обязательными для исполнения. И в отличие от права, реализация которого осуществляется сотрудником по собственному усмотрению, исполнение обязанности является не только обязательным, но еще и осознанным. И зачастую исполнение обязанностей сотрудников основано не только на правовой, но и нравственной основе или нравственно-правовой. Так, на основании п. 1 ст. 91 УИК РФ осужденным к лишению свободы разрешается получать и отправлять за счет собственных средств письма, почтовые карточки и телеграммы. П. 2 данной статьи утверждает, что вышеуказанное подвергается цензуре со стороны администрации учреждения. Законодатель подразумевает в этом случае цензора, в качестве которого выступает сотрудник оперативного подразделения исправительного учреждения. Этот пример демонстрирует, как дуализм правового статуса создает проблему для эффективного исполнения норм УИК РФ. В обязанности оперативного сотрудника входит проверка вышеуказанной корреспонденции на наличие экстремистских идей, нецензурных выражений, информации в отношении сотрудников и самого учреждения и т.п. Он должен внимательно изучить имеющийся материал, в рамках такой проверки он вправе вернуть данное письмо обратно отправителю с указанием причин возврата, может приобщить его к делу при необходимости. При реализации данной статьи у сотрудника есть ряд ограничений, в том числе и нравственного характера. Так, он не должен разглашать сведения личной жизни осужденного (если данная информация не относится к числу оперативно-значимой). Получается, что его деятельность основывается на четком исполнении требований действующего уголовно-исполнительного законодательства и других нормативных документов, регламентирующих данное направление деятельности, при этом крайне важно придерживаться моральных принципов, соблюдать права осужденных и иных лиц, имеющих отношение к учреждениям уголовно-исполнительной системы.

2. Исполнение норм права оперативными подразделениями в исправительном учреждении во многом зависит от того, как сами осужденные исполняют свои обязанности.

Известно, что уголовно-исполнительное право тесно связано с уголовным правом, поскольку они имеют общую цель – борьба с преступностью, обладают едиными принципами и методами правового регулирования. Участники уголовно-правовых отношений, как и уголовно-исполнительных, имеют по отношению друг к другу корреспондирующие права и обязанности, то есть то, что для одного субъекта является правом, для другого является обязанностью. Так известно, что осужденный имеет большой спектр обязанностей, а сотрудники – прав, и последние уполномочены требовать от осужденных их исполнения. Естественно, осужденный заинтересован в том, чтобы поскорее избавиться от правоограничений, связанных с назначением наказания. А потому ему выгодно придерживаться необходимого, положительного поведения. Однако предполагается, что осужденные осознано и добровольно выполняют предписания, а правоохранительные органы следят за качеством их исполнения, при этом имея свой спектр прав и обязанностей. Совершение действия по возникшей обязанности и есть ее исполнение, оно носит активный характер.

Основную часть обязанностей сотрудников оперативных подразделений в исправительном учреждении контролирует само государство, другая их часть контролируется гражданами, в отношении которых эти обязанности должны быть исполнены. Можно говорить о том, что в том числе и осужденные влияют на исполнение обязанностей данными сотрудниками, так как они тоже являются субъектами данных правоотношений.

В качестве примера взаимосвязи исполнения основных обязанностей осужденных с исполнением норм уголовно-исполнительного права оперативными сотрудниками можно привести ст. 11 УИК РФ. В ней указано, что осужденные обязаны являться по вызову администрации учреждений и органов, исполняющих наказания, и давать объяснения по вопросам исполнения требований приговора. При этом, если имеется информация о нарушении ч. 2 ст. 129 УИК РФ, которая запрещает использовать и хранить на территории колонии-поселения предметы и вещества, перечень которых установлен Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений, то оперативные сотрудники проводят проверку по установлению нахождения запрещенного предмета, и в рамках этого подвергают вызову осужденных, тем самым обеспечивая выполнение своих обязанностей.

Осужденный же, в рамках выполнения своих обязанностей, должен давать объяснения по данному факту. По итогу такой проверки составляется заключение, в котором прописываются каналы поступления запрещенных предметов, а также указываются лица, которые пользовались данным предметом и т.д. Этот пример показывает функционирующую модель взаимных прав и взаимных обязанностей между субъектами права, что соответствует осуществлению целей уголовно-исполнительной политики государства.

3. Исполнение характеризуется совершением активных действий и предполагает реализацию необходимого правомерного поведения, основанного на законности.

Исполнение норм рассматриваемого права состоит в активных действиях сотрудника по осуществлению задач, возложенных на него в соответствии с должностными обязанностями. Он в силу закона должен исполнять их соответствующим образом, а потому сотруднику необходимо постоянно обучаться, отслеживать изменения в праве, чтобы, применяя ту или иную норму, быть уверенным в законности своих решений. На наш взгляд, правомерное поведение сотрудника оперативного подразделения исправительного учреждения – это конкретное проявление законности, а именно: неукоснительное соблюдение законов, предписаний. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» напрямую регламентирует принцип законности. Так, проводя те или иные оперативно-розыскные мероприятия, рассматриваемые нами лица обязаны помнить о легитимности.

А.Б. Ендин отмечает, что состояние законности в уголовно-исполнительной системе зависит в том числе и от специфических факторов, характерных именно для «тюремной» сферы. Так, по мнению Н.С. Артемьева, в соответствии с принципом законности, сотрудники обязаны неукоснительно придерживаться норм уголовно-исполнительного законодательства относительно осужденных. Если должностные лица не обеспечили законность в своей деятельности, то они несут за это ответственность, ибо отклонения от норм закона и ошибки в их применении, независимо от причин их совершения, однозначно расцениваются как нарушения законности. Получается, что законность в рамках рассматриваемых правоотношений заключается в том, что сотрудники оперативных подразделений в полном объеме и в надлежащем виде реализуют свои субъективные права и юридические обязанности. От их действий, эффективности организации несения службы напрямую зависит уровень обеспечения законности и правопорядка в местах лишения свободы. Так можно говорить потому, что они относятся к звену значимых, квалифицированных специалистов, которые выполняют ряд функций, которые свойственно выполнить только им (благодаря своему профессионально-специфическому статусу).

Выводы. Нами определено, что исполнение норм уголовно-исполнительного права сотрудниками оперативных подразделений исправительных учреждений состоит из следующих основных элементов.

1. Представляет собой такое поведение оперативных сотрудников, которое направлено на претворение в жизнь юридических обязанностей, в процессе чего осуществляется конкретизация права.

2. Во многом зависит от того как сами осужденные исполняют свои обязанности.

3. Характеризуется совершением активных действий и предполагает реализацию необходимого правомерного поведения, основанного на законности.

На наш взгляд, в основной массе ситуации неисполнения обязанностей сотрудником оперативного подразделения исправительного учреждения обосновывается не только и не столько недостаточным уровнем правового сознания отдельно взятого сотрудника. Проблема носит объективный характер и заключается в самом содержании того, что он обязан «знать и применять». Ему необходимо одновременно удерживать в правовом поле две разные, а порой и противоречащие друг другу системы ценностей: приоритет сыска и конспирации (оперативно-розыскная деятельность) и приоритет исправления и законности (УИК РФ). Таким образом, проблема эффективного исполнения норм УИК РФ лежит не в субъективной плоскости (плохой сотрудник), а в объективной (конфликт правовых режимов), что требует своего разрешения через совершенствование ведомственного регулирования.

Список используемой литературы

1. Чертова Н.А. Теория государства и права: учебное пособие для обучающихся по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» (бакалавриат) / Н.А. Чертова, И.В. Ершова; Сев. (Арктич.) федер. ун-т. Электронные текстовые данные. Архангельск: САФУ. 2021. 151 с.
2. Мельников С.А. К вопросу о формах реализации права // Вестник Саратовской государственной юридической академии № 6 (107). 2015. С. 68–72. EDN: VHLGTF.
3. Литвинов А.С. // Механизм и формы реализации норм уголовного права: дис. ... канд. юрид. наук. 2012. 203 с. EDN: QFVTIF.
4. Сенников И.Е. Использование права как форма непосредственной реализации юридических норм: автореф. дис. канд. юрид. наук. Нижний Новгород. 2023. 21 с.
5. Шкабин Г.С. Уголовно-правовое обеспечение оперативно-розыскной деятельности: теоретико-прикладные и законодательные аспекты: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2018. 393 с. EDN: LCMFOZ.
6. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. Юристъ. 2004. 242 с. EDN: VDBUCR.
7. Теория оперативно-розыскной деятельности: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Сенилова. М.: ИНФРА-М, 2012. 688 с.
8. Пронина О.В. Некоторые вопросы применения норм Уголовно-исполнительного кодекса и иных нормативно-правовых актов Российской Федерации при осуществлении оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе // Уголовно-исполнительное право. 2020. Т. 15(1–4), № 4. С. 411–415. DOI: 10.33463/2687-122X.2020.15(1-4).4.411-415 EDN: ESUQUI
9. Ендин А.Б. Законность в деятельности уголовно-исполнительной системы российского государства (общеправовой анализ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2005. 172 с. EDN: ZNDJXL.
10. Артемьев Н.С. Соблюдение законности и прав человека в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы // Уголовно-исполнительное право. 2016. № 2 (24). С. 6. EDN: WCNMQJ.

1. Chertova N.A. Theory of State and Law: a textbook for students in the field of training 40.03.01 "Jurisprudence" (bachelor's degree) / N.A. Chertova, I.V. Ershova; Northern (Arctic) Federal University. Electronic text data. Arkhangelsk: NArFU. 2021. 151 p.

2. Melnikov S.A. On the Forms of Implementation of Law // Bulletin of the Saratov State Law Academy No. 6 (107). 2015. pp. 68–72. EDN: VHLGTF.
3. Litvinov A.S. // Mechanism and Forms of Implementation of Criminal Law Norms: Diss. ... Cand. of Law. 2012. 203 p. EDN: QFVTIF.
4. Sennikov I.E. Use of Law as a Form of Direct Implementation of Legal Norms: Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Nizhny Novgorod. 2023. 21 p.
5. Shkabin G.S. Criminal-Legal Support of Operational-Investigative Activities: Theoretical, Applied, and Legislative Aspects: Doctor of Law Dissertation. Moscow, 2018. 393 p. EDN: LCMFOZ.
6. Matuzov N.I., Malko A.V. Theory of State and Law: Textbook. Jurist. 2004. 242 p. EDN: VDBUCR.
7. Theory of Operational-Investigative Activities: Textbook. 2nd edition, revised and enlarged. / Ed. by K.K. Goryainov, V.S. Ovchinsky, G.K. M.: INFRA-M, 2012. 688 p.
8. Pronina O.V. Certain issues of application of the norms of the Criminal Executive Code and other regulatory legal acts of the Russian Federation in the implementation of operational-search activities in the penal system // Criminal Executive Law. 2020. Vol. 15(1–4), No. 4. Pp. 411–415. DOI: 10.33463/2687-122X.2020.15(1–4).4.411–415 EDN: ESUQUI
9. Endin A.B. Legality in the activities of the penal system of the Russian state (general legal analysis): author's abstract. diss. ... candidate of legal sciences. Vladimir, 2005. 172 p. EDN: ZNDJXL.
10. Artemyev N.S. Compliance with the rule of law and human rights in institutions and bodies of the penal system// Criminal Executive Law. 2016. No. 2 (24). P. 6. EDN: WCNMQJ.